

С. 2

«Наше время требует новой мудрости и нового излияния любви»

1 сентября в Свято-Филаретовском институте состоялось торжественное открытие 26-го учебного года. Мы публикуем слово ректора СФИ профессора священника Георгия Кочеткова, прозвучавшее на праздничном молебне.

С. 4

«Он был кабинетным учёным, но там, в кабинете, он писал и думал о современности»

4 сентября исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося православного богослова, основоположника евхаристической экклезиологии протопресвитера Николая Афанасьева.

С. 8

Два обращения

Мы продолжаем публиковать материалы новой рубрики «Церковь сопротивлении», посвящённой противостоянию Русской православной церкви преследованиям безбожной власти. Архивные материалы этого номера – обращения мирян в органы советской власти и коммунистической партии.

Язык Церкви

В Приложении, как обычно, опубликованы как официальные новости, касающиеся проблемы языка богослужения, так и дискуссионные статьи, а также обзоры исторической практики переводов.

«Основа всякого служения – в обновлении литургической жизни»

Интервью с епископом Губкинским Софронием

Владыка, зная Вашу активную миссионерскую деятельность, мы хотели бы спросить: как, на Ваш взгляд, изменилась за последние годы ситуация с миссией в нашей церкви?

Сейчас многие люди ощутили, что церковь по-разному трудится в разных направлениях: занимается и молодежью, и социальным служением. Но есть еще одно служение, которое все это обобщает, – миссионерское служение, проповедь всему миру вести о православной церкви, о вере, о Христе, о любви друг ко другу – о том, чего сейчас не хватает всем нам в нашей жизни.

Я считаю, что в последние годы миссионерское служение церкви находится на подъеме. Для многих стала

ясна задача миссионера: внятно ответить на вопросы и вызовы современного общества. Произошел быстрый технологический рост, появились новые средства массовой информации и коммуникации. Миссионеру постоянно требуется фильтровать информацию, которая идет через эти СМИ, наставлять людей, давать правильный ответ. Люди приходят в храм и задают конкретные вопросы, на которые церковь должна отвечать. Есть и другая сторона этой задачи: много людей приходит в храм, но большая часть народа не знает азов православия, и здесь необходимо общее усилие миссионерской и катехизаторской работы. Мы должны постараться народ, который был крещен, но не просвещен, сейчас просветить.

Основа же всякого служения, в том числе миссионерского, – в обновлении литургической жизни. В своем слове при наречении я сделал главный акцент на том, как в церковной жизни важно евхаристическое общение. Если люди поймут, для чего они ходят в храм Божий, что такое евхаристическое общение, что такое Чаша евхаристическая, то все направления, о которых мы с вами говорим, сами собой должны осуществляться. От Чаши идут как бы лучики нашего благовестия христианского. Люди часто лишь в соборованиях да вычитках видят церковную жизнь. А ведь около Чаши должна быть церковь, вокруг Чаши должна быть община.

Окончание на с. 6

На что опираться, сражаясь с силами Мордора

С 5 по 13 августа представители Свято-Филаретовского института и Преображенского братства во главе со священником Георгием Кочетковым побывали с паломнической поездкой в Англии. Своими впечатлениями от поездки делится преподаватель СФИ, ведущая рубрики «В пространстве диалога» Юлия Балакишина

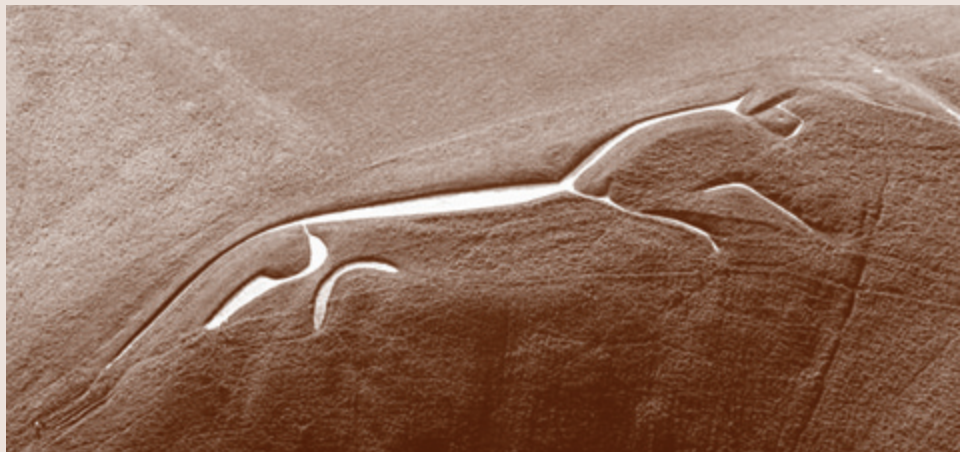
Под знаком Белого коня

Начиная свое эссе о Г.К. Честертоне, С.С. Аверинцев вспоминает овечье изображение коня на склоне мелового холма где-то в Беркшире, ставшее названием поэмы Честертона и символом того, что он называл «традицией человечества»: «Линии, слагающиеся в огромный силуэт, светятся белизной мела, контрастно проступающей рядом с зеленым цветом травы в тех местах, где в незапамятные времена сняли дерн и продолжают исправно снимать его до сих пор. Ибо трава, конечно, рвется заполнить все пространство вокруг, затопить белые линии зеленой волной, и если бы люди из поколения в поколение, из тысячелетия в тысячелетие не расчищали очертаний, древняя форма давно была бы поглощена натиском стихии»¹.

Мы не были в Беркшире и не видели Белого коня, но сознание того, что мы путешествуем по стране, в которой любят и умеют хранить традицию, «нравственное предание рода человеческого», не покидало нас ни на минуту.

Лондонская национальная галерея разительно отличается от хорошо известной нам эрмитажной коллекции живописи способом своего возникновения. Ее собирали не английские короли по своему личному вкусу, а английский парламент, озабоченный задачей просвещения собственного народа. Вход в галерею бесплатный. Коллекция превосходная. Полотна развешены так, чтобы дать представление о европейском изобразительном искусстве как о сложном, динамичном, развивающемся процессе.

Окончание на с. 7

Да будет смысл

Интервью с секретарем Губкинской епархии, сотрудником Миссионерского отдела протоиереем Димитрием Карпенко

Отец Димитрий, не так давно вышел перевод литургии, издание церковнославянского и параллельного русского текста под редакцией митрополита Илариона (Алфеева). Какими Вы видите дальнейшие перспективы в области переводов богослужения?

Сам факт появления такого перевода – замечательный и обнадеживающий. Переводов сейчас появляется мало, а ведь нужно, чтобы они входили в нашу повседневную жизнь. Потребность прихожан осознанно молиться на богослужении и понимать слова молитвословий, которые произносятся священником

от лица всех людей, рождает идеи, в принципе, лежащие на поверхности: нужно, чтобы у каждого была книжечка, к которой всегда можно обратиться и посмотреть то слово, которое ты не понимаешь. Когда служба совершается на церковнославянском языке, нужно, чтобы под рукой был перевод всех молитв. Ничего сложного в этом нет. Это настолько понятно и очевидно. Но в то же время даже такие очевидные вещи раньше не делались. Сейчас эти переводы есть, но сложно сказать, насколько широкое распространение в ближайшее время они получат по нашим приходам. Сама по себе эта инициатива замечательная. Ведь в нашей церкви есть Синодальный перевод Ветхого и Нового завета. А перевода богослужения, одобренного высшей церковной властью, мы, по сути, не имеем. Каждый переводит сам, и кому-то нравятся одни переводы, кому-то другие, кому-то что-то не нравится, есть претензии друг к другу и т. д. Должен быть какой-то текст, признаваемый всеми в нашей церкви, текст, к которому можно было бы обратиться, чтобы понять хотя бы, что на самом деле означают слова Херувимской песни, чтобы нам не слышалось «отложим по печению»¹. Поэтому идея эта очень хорошая, но пока, я думаю, еще не получившая большого распространения. Однако тут уже вопрос к пастырям: к духовенству, к епископам, к каждому из нас, насколько мы будем предпринимать усилия, чтобы получить эти книжки и распространить среди людей, чтобы призвать мирян к активному участию в богослужении. Я думаю, должно пройти какое-то время, чтобы мы посмотрели и увидели, кто что-то сделал в этом направлении, а кто ничего не сделал. И, исходя из этого, пытаться что-то

Окончание на с. 6

¹ Слова Херувимской песни на церковнославянском языке «Всякое ныне житейское отложим попечение» иногда слышатся прихожанам как «отложим по печению», в связи с чем возникали разные казусы, например, бабушки собирали с прихожан печенье, когда пелись эти слова.

Духовное образование

«Наше время требует новой мудрости и нового излияния любви»

1 сентября в Свято-Филаретовском институте состоялось торжественное открытие 26-го учебного года. По традиции в часовне СФИ был совершен праздничный молебен, были зачитаны приказы о зачислении первокурсников и прозвучала открытая лекция для преподавателей, студентов и гостей.

После молебна отец Георгий поздравил всех поступивших на I курс богословского факультета, факультета религиоведения и Богословского колледжа. На бакалавриат богословского факультета в этом году поступили 54 студента. На программу профессиональной переподготовки по религиоведению зачислено 11 человек (и еще продолжается прием документов). В Богословский колледж поступили более ста человек.

С открытой лекцией «Некоторые аспекты зарождения и развития раннего христианства» выступила российский филолог-библеист, доцент кафедры Священного писания и библейских дисциплин СФИ, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН кандидат филологических наук Евгения Смагина.

Слово ректора СФИ профессора священника Георгия Кочеткова на праздничном молебне

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сёстры христиане!

Настало время начинать и нам новый учебный год. В прошлом году, как вы хорошо помните, мы отметили 25-летие нашего Свято-Филаретовского института – как мне кажется, и достаточно скромно, и в то же время достаточно памятно, и, когда это было нужно, торжественно. Теперь нужно начинать вторую четверть века, и значит, новый период, новый этап нашей жизни. И мы должны очень хорошо понимать, зачем мы стараемся трудиться, зачем существует наш институт – преподаватели, профессора, студенты на обоих факультетах, зачем всем нам нужно преодолевать достаточно серьёзные трудности и сложности нашей жизни, подчас и непонимание, и какие-то инвективы в свой адрес. Зачем нам всё это нужно?

Сейчас мы слышали евангельское чтение, всем нам, конечно, хорошо знакомое. Я думаю, что вы обратили внимание на то, что Иисус сказал Своей Матери в ответ на Ее кроткий упрек. Он сказал Ей: «Зачем же вы искали Меня? Разве вы не знали, что Мне должно быть в доме Отца Моего?» В каком-то смысле это универсальный ответ на все «зачем» по отношению ко всякого рода духовному образованию.

Мудрость, которая свыше, обретается часто среди учителей. И нахождение среди учителей подчас означает наше пребывание в доме Отца нашего Небесного.

В наше время, когда все крайне рационализировано,

когда все превратилось в какую-то бездушную технологию, в бизнес-проект, когда образование перестало ассоциироваться с восстановлением и исполнением образа Божьего в человеке, нам важно вспомнить о самом главном. Нам нужно показывать плоды образования не просто во внешних своих успехах, не просто в количестве изданных печатных трудов и семинарских занятий, не просто в тех или иных формальных компетенциях, а в том, о чем говорит апостол. «Кто между вами мудр и разумен? Пусть покажет добрым поведением дела свои в кротости и в мудрости» (Иак 3:13). Иисус, находясь в доме Отца Своего, возрастал в мудрости – и вместе с мудростью возрастала любовь: и Его любовь получала больше возможностей для своего проявления, и любовь к Нему проявлялась все больше.

Наше время требует новой мудрости и нового излияния любви Божеской и человеческой, которые сейчас редко встречаются и слишком далеко разошлись. Иногда люди ратуют за человеческую любовь, но при этом ничего не знают – а то и знать не хотят – о любви Божьей. Но хуже того, когда происходит наоборот: люди проповедуют с амвонов Божественную любовь, но ничего не хотят знать о любви человеческой.

Нам с вами, конечно, хорошо известно и давно понятно, что и то, и другое будет мертвым, потому что Бог без человека не действует в нашем мире, как и человек не может действовать без Бога. И наша вера – вера христианская, православная – есть вера в Бога и в человека, и только она есть исполнение, полнота и совершенство, в котором мы можем прикоснуться в любви к человеку и к Богу.

Иногда меня удивляют наши студенты, которые подчас, уже к концу своего обучения в институте, вдруг задаются вопросом: а зачем мы учимся, а что нам это даёт. Ведь ни один верующий человек так ставить вопрос не может, потому что он сердцем своим познал, что в нем есть образ Божий, что он и люди вокруг него – живые иконы Бога. Но мы же не глупые люди, мы все понимаем, насколько мы далеки от того, что нам дано, насколько мало мы берем из того, что нам дается. Чтобы наша жизнь была более человеческой и человеческой, нам каждый миг нашей жизни нужен Господь, нужна Его любовь, нужно наше сообразование с Богом и Богоуподобление в даре Божественного Света и Божественной Любви. Вся жизнь человека должна быть направлена только на это, тогда ничего ценного и важного не окажется где-то вовне, не окажется забытым, позаброшенным. Тогда мы сможем преодолеть раздвоенность и страшную частичность, то внутреннее сектантство, когда часть выдается за целое, что мы видим сплошь и рядом и в церкви, и в обществе.

Вот это благороднейшая задача, которую должен ставить перед собой каждый человек, желающий стать

Человеком с большой буквы, помнящий о своем призвании, о смысле своей жизни. Всякая культура и всякая наука этому способствуют, но они сами по себе дать этого не могут, надо к ним приложить нечто важное – самое важное, чтобы этой цели достичь.

Пусть же, дорогие братья и сёстры, послужит этому и деятельность нашего института и братства, в котором родился этот институт и которое поддерживает его во всех его путях. Не будем замыкаться, не будем гордиться, не будем думать, что мы одни умные на белом свете или одни духовные и верующие. Господь сохранил Себе множество замечательных и святых людей, но это уже не наш суд. Мы ведь давно выучили из святых отцов тот вывод, который делается в экклезиологической сфере: мы знаем, где церковь есть, но не знаем, и никогда не узнаем, где её нет. Поэтому стоит трудиться и самим обретать вдохновение в этом воистину духовном образовании своём, чтобы делиться со всеми желающими этим счастьем, этой радостью, этим светом, чтобы на нашей земле снова воссиял образ Божий, столь порушенный и искаженный, так часто не похожий на себя в нынешних условиях.

Пусть же, дорогие братья и сёстры, Божье благословение будет всегда со всеми нами, со всеми теми, кто хочет быть с Богом и живет ради Него, ради Церкви, ради возрождения народа Божьего на нашей земле и везде, где хочет этого Господь. Пусть наша жизнь будет наполнена светом, просвещением, той энергией, которая только и поднимает человека при любых обстоятельствах, в любых условиях.

Поэтому, что бы ни случилось, не будем унывать, как мы не унывали в последние трагические дни, когда потеряли одного из своих преподавателей, члена Попечительского совета и члена нашего Преображенского братства, человека бесспорно святого, мученика Христова – отца Павла Адельгейма.

Будем всегда стремиться нести свой крест, отвергнувшись себя, чтобы приносить плод мудрости и разума. Аминь.

Зачем православному христианину религиоведение?

С этим вопросом наше издание обратилось к декану факультета религиоведения СФИ М.В. Шилкиной.

Православный христианин является им не только в храме. Дома и на работе, в транспорте и светском вузе, в музее, на экскурсии он окружен людьми, которые могут быть и неверующими, и верующими разных религий. И кто, как не православный человек, призван быть открыт общению, к мирному и дружественному свидетельству о возможности общей жизни в одном народе, в одном городе и одном доме? Но общение невозможно без уважения и понимания своего собеседника, без разговора на понятном ему языке. Невежество порождает фундаментализм, нелепые фантазии о своих соседях или сотрудников на работе, культивирует изоляционистскую субкультуру. Пре-

подобный Силуан Афонский советовал любое усилие свидетельства о Христе начинать с того, что подчеркнуть то хорошее, с чем ты можешь согласиться в вере своего собеседника, а уже потом сказать, как можно сделать следующий шаг. Но ведь для этого нужно это хорошее знать! Контрмиссия, выделение плохого и неверного, – непродуктивна.

Религиозное невежество нашего народа вопиюще. Оно является одним из опасных факторов, противодействующих единству и возрождению России, порождает (нередко на пустом месте) межрелигиозные и межнациональные конфликты, в том числе нередко и агрессивные нападки на Русскую православную церковь. Всеобщее религиоведческое образование – не единственный путь к его преодолению, но один из важнейших.

Есть ли, на Ваш взгляд, в нашей церкви люди, которым знание истории, философии, социологии религии необходимо в первую очередь?

Безусловно. В первую очередь, это миссионеры и катехизаторы. Сегодня практически в обществе нет людей, которых не коснулся бы никакой религиозный опыт. Если они приходят в храм, на православные встречи, чаще всего они уже несут в себе тот или иной духовный опыт, иногда сами не замечая этого. Но если этого не заметит катехизатор, если он не узнает его, он не сможет такому человеку помочь прийти ко Христу. И во-вторых, это наши прихожане, которые работают учителями, вузовскими преподавателями и могут сегодня вести в школах курс не только основ право-

славной культуры, но и истории мировых религий, светской этики. Если у них есть диплом или удостоверение о повышении квалификации по религиоведению, директор школы охотнее даст им эти часы.

В чем отличие факультета религиоведения СФИ от факультетов светских вузов?

В том, что он раскрывает любую религию прежде всего как духовный опыт. Я каждый год слышу от православных выпускников: я теперь глубже и яснее знаю свою веру, я могу свободнее разговаривать с верующим любой религии и рассказать ему о Христе так, чтобы он понял.

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова) **Санкт-Петербург:** +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сущевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 16 сентября 2013 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 18 сентября 2013 г.

gazetakifa.ru

Православие за рубежом

Встреча в Оксфорде

8 августа в Оксфорде митрополит Диоклийский Каллист (Уэр) встретился с гостями из Свято-Филаретовского православно-христианского института: ректором СФИ профессором священником Георгием Кочетковым, проректором Дмитрием Гасак, а также преподавателями, сотрудниками и студентами института.

Владыка встретил и поприветствовал гостей в храме Святой Троицы и Благовещения, рассказал об истории прихода, в котором сосуществуют русская и греческая общины, и об особо значимых храмовых иконах, после чего беседа продолжилась за чаем.

Владыка, в частности, рассказал о своем приходе в Православие в 1958 году. «На меня более всего повлияли труды Алексея Хомякова, – сказал он. – Я не встречал других людей, которые бы перешли в православие под его влиянием, но для меня это было именно так». Также среди повлиявших на него богословов митрополит Каллист назвал Владимира Лосского, владыку Василия Кривошеина, отца Георгия Флоровского, Николая Зёрнова.

«К сожалению, мне не посчастливилось лично застать отца Сергия Булгакова, еще одного из наиболее значимых богословов XX столетия, – добавил митрополит Каллист. – Но хотя на меня оказали столь сильное влияние именно русские богословы, я присоединился не к Русской, а к Греческой церкви, к Вселенскому патриархату. Тому было несколько причин. Тогда, в 1950-е годы, Русская церковь была разделена на

Московскую и Зарубежную. К счастью, сейчас они объединились, но тогда между ними даже не было евхаристического общения. Присоединившись к Константинопольскому патриархату, я мог сохранить общение с обеими частями Русской церкви. Другой причиной, повлиявшей на мое решение, стало, конечно, то, что я знал греческий язык, но не знал русского».

Говоря о главных вызовах современности, владыка обратил внимание на то, что в XX веке важнейшим направлением богословия была экклезиология, а в XXI веке на первое место выходят проблемы христианской антропологии. Узнав, что в последние годы именно над этой проблематикой работает отец Георгий, владыка это горячо поддержал.

Главной опасностью, угрожающей современной церкви, митрополит Каллист (Уэр) назвал секуляризм: «Коммунисты были открытыми врагами церкви, с таким врагом легче вступить в диалог. Секуляризм – это скрытый враг». «Владыка, мы обычно дополняем этот тезис: на Западе самая большая опасность – секуляризм, саддукейство, а на Востоке – фундаментализм, ведь по сути это та закваска фарисейская, от которой предостерегал нас Господь», – сказал отец Георгий. «Да, это интересная мысль, – согласился владыка. – Это огромная ошибка – превращать православие во что-то негативное, отвергающее все, что не попадает в “узкие рамки”. В этом случае оно утрачивает свое внутреннее содержание. В богословской мысли начала XX века, у Булгакова, Бердяева, Лосского, Флоровского,

Члены паломнической группы в храме Святой Троицы и Благовещения в Оксфорде. В центре – митрополит Каллист (Уэр) и ректор СФИ профессор священник Георгий Кочетков

меня больше всего привлекает то, что это были искатели, они не только знали и почитали свою традицию, но и были готовы учиться у западной культуры и философии. Они понимали, что православие – это утверждение, а не отрицание». Также в ходе беседы отец Георгий и Дмитрий Гасак рассказали об основных направлениях образовательной и научной работы СФИ.

«Вы делаете очень важное дело, и да пребудет на вас благословение Господне», – сказал в заключение митрополит Каллист.

Информационная служба СФИ

Новости православных братств

Усилие любви

24 –25 августа в Подмоскovie состоялась двадцать четвертая ежегодная традиционная встреча-соброр Преображенского братства под названием «Где двое или трое собрались во имя Мое, там и Я посреди них» (Мф 18:20).

Как и в прошлом году, Преображенский собор собрал в большинстве своем относительно недавно воцерковившихся людей из разных городов России и ближнего зарубежья – всего около 750 православных. Поэтому значительное время на всех круглых столах и встречах собора уделялось обсуждению таких тем, как обретение верности Богу и Церкви, укорененность в святоотеческой аскетической традиции, а также подготовка к служению миссии и катехизации, возрождению общинной и братской жизни.

В августе Преображенское братство, как и вся Русская православная церковь, понесло невосполнимую утрату: был убит известный пастырь, проповедник, богослов и исповедник веры протоиерей Павел Адельгейм, вступивший в Братство зимой этого года. Дмитрий Гасак, председатель Преображенского братства, говоря об этом трагическом событии, подчеркнул, что на Братстве лежит особая ответственность за сохранение памяти о служении о. Павла, его добром имени и истинном образе.

Священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства, напомнил всем присутствующим, что о. Павел Адельгейм считал одной из самых острых и болезненных проблем современной церковной жизни умаление принципа соборности¹. Отец Георгий подчеркнул, что соборность тесно связана с неформальным общением и единством верующих, для обретения которого в современной ситуации требуется прикладывать существенные усилия во всех сферах – веры, молитвы и жизни. Как отметил о. Георгий, обратившись к собравшимся, «осуществление важнейшего мистического свойства Церкви – свойства соборности, свойства экзистенциальной целостности, реальной любви требует от нас усилий. Привыкайте к этому – это и есть христианская жизнь».

Информационная служба Преображенского братства

¹ Соборность – понятие русской философии, выработанное А.С. Хомяковым в рамках его учения о Церкви как органическом целом, как о теле, главой которого является Иисус Христос. Церковь прежде всего есть духовный организм, целостная духоносная реальность, а потому все члены Церкви органически, а не внешне соединены друг с другом, но внутри этого единства каждая личность сохраняет свою индивидуальность и свободу, что возможно только в том случае, если единство зиждется на бескорыстной, самоотверженной любви. Только тогда постигаются истины веры, ибо полная истина принадлежит всей Церкви в целом, а не одному лицу или учреждению, сколь бы авторитетны они ни были (Философский словарь).

Священник Иоанн Привалов после пятой в течение полугода госпитализации признан инвалидом

Напомним, что в январе текущего года он и его прихожане, среди которых было множество братчиков архангельских малых православных братств, подверглись массовой атаке православных фундаменталистов.

В защиту чести и достоинства о. Иоанна Привалова, создавшего своеобразный центр диалога Церкви и общества на Русском Севере, выступили многие известные деятели культуры: Наталья Солженицына, Сергей Юрский, Никита Струве, Ольга Седакова, Анна Шмаина-Великанова, Александр Архангельский. Однако это не помогло, и под давлением фундамента-

листских изданий и деятелей ультраправых течений епархиальный совет принял решение снять о. Иоанна с настоятельства и отправить «под надзор» в кафедральный собор Архангельска. Об этом в своё время подробно рассказывали на своих страницах и наша газета, и многие другие издания.

В результате перенесенного стресса у о. Иоанна обострились многочисленные хронические заболевания, и он в течение многих месяцев не только постоянно находился на больничном, но и перенес пять госпитализаций, во время которых ему были сделаны две операции. Недавно он был признан инвалидом второй группы.

«Это не фантастика!»

29 августа в Санкт-Петербурге открылась выставка «Человек веры», которую ждали здесь не один год. Об этом рассказала Нина Ивановна Попова, директор музея А.А. Ахматовой в Фонтанном доме. Почему сегодня так важно вспомнить о Н.Н. Неплюеве и его Крестовоздвиженском братстве? Нина Ивановна нашла ответ в словах священника Георгия Кочеткова, духовного попечителя Преображенского братства: «Пока церковь словно не видит лица ближнего своего; пока еще нет тех близких, родных отношений, той взаимной ответственности и поддержки, которая должна быть между членами церкви; пока нет способности относиться к традиции творчески, открыто, а не механически, магически и схоластически, – до тех пор будут нужны общины и братства, которые все эти вещи призваны компенсировать».

Протоиерей Георгий Митрофанов, зав. кафедрой истории Санкт-Петербургской духовной академии, говорил о Крестовоздвиженском братстве в контексте проблем, которые переживала Россия во второй половине XIX века. Интеллигентные крестьяне – это парадоксальное определение лучше всего говорит о том, кого воспитывал Неплюев. Это была колоссальная общественная задача, решение которой могло бы предотвратить катастрофу, разразившуюся в стране в 1917 году. Говоря о церковном аспекте жизни Крестовоздвиженского братства, отец Георгий отметил, что духовенство России по разным причинам практически не учило верующих быть христианами не только в храме, но и в бытовой, трудовой, семейной и общественной жизни. Неплюев в своем стремлении воспитывать мыслящих, просвещенных христиан был практически первопроходцем. Его дело оказалось достаточно успешным. Благодаря усилиям Неплюева возник прецедент активной хрис-

тианской общественной жизни, которая в дальнейшем могла бы сориентировать значительную часть общества на христианское созидание России. Несмотря на то, что наши условия также не благоприятны для развития христианских общественных движений, следует продолжать этот не то чтобы «сизифов» труд, но в высшей степени благородное донкихотство Н.Н. Неплюева.

Большой честью для организаторов выставки назвала Юлия Балакшина, председатель Свято-Петровского братства, участие в ней потомков братьев и сестер Крестовоздвиженского братства – Ольги Всеволодовны Позниной, преподавателя финансово-экономического университета Петербурга, внучки члена Братской думы; Людмилы Сергеевны Федоренко, литератора из Челябинска, внучки братского поэта, учителя истории в братских школах Василия Федоренко; Георгия Николаевича Фурсея – доктора физ.-мат. наук, профессора, вице-президента РАЕН, внука ближайшего помощника Неплюева – Андрея Фурсея. Потомки братчиков сердечно приветствовали гостей выставки. «Как физик, как ученый, я утверждаю, что опыт Николая Николаевича и его братства доказывает, что жить по-христиански, по Евангелию возможно. В науке очень важен эксперимент. Так вот, это не фантастика и не утопия – братство реализуемо, и доказательством этого является жизненный подвиг Н.Н. Неплюева», – сказал Георгий Николаевич Фурсей.

В завершение вечера гости и организаторы продолжили общение под звуки Генделя, Беллини, Моцарта и Россини в исполнении Елены Ивановой.

Анастасия Наконечная
Информационная служба Преображенского братства
Полностью новость опубликована на сайте <http://psmb.ru>

4 сентября исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося православного богослова, основоположника евхаристической экклезиологии протопресвитера Николая Афанасьева. 20 лет назад, в октябре 1993 года, в Москве проходили организованные Свято-Филаретовским институтом к столетию со дня рождения о. Николая Афанасьевские чтения. Эта международная конференция, проводившаяся по благословению патриарха Алексия II, собрала более 100 человек. Среди её участников были сын о. Николая доктор Анатолий Афанасьев, доктор Михаил Соллогуб, о. Франсуа Эве (Франция), доктор богословия, профессор-протопрес-

витер Виталий Боровой, академик Сергей Аверинцев, ректор Московской высшей православно-христианской школы (так в те годы назывался СФИ) священник Георгий Кочетков и представители других духовных учебных заведений Москвы – Свято-Тихоновского богословского института, Общедоступного православного университета им. о. Александра Меня, Российского православного университета, а также клирики и прихожане московских и подмосковных храмов и монастырей, православных приходов Франции, Великобритании и США, гости из Дании и Словакии.

Главной темой конференции была евхаристическая экклезиология о. Нико-

лая Афанасьева и ее связь с церковными проблемами современности. В докладах освещались экклезиологические споры в Русской православной церкви в начале XX века, богословие последователя о. Николая митрополита Пергамского Иоанна (Зизиулеса), вопросы Предания древней Церкви, перспективы и проблемы развития православной экклезиологии, особенности традиции веры вне церкви, литургическое богословие в иконописи и т. п.

Материалы докладов, прозвучавших в те дни, не потеряли своей актуальности. Сегодня мы публикуем фрагмент одного из них, так же как и отрывок из работы о. Николая «Стацио орбис».

«Он был кабинетным ученым, но там, в кабинете, он писал и думал о современности»

Из доклада протопресвитера Виталия Борового на Афанасьевских чтениях 1993 года

При обсуждении вопросов о рождении и обновлении церкви в высшей мере полезны труды о. Николая, поражающие богословской, канонической эрудицией автора и вдумчивым, беспристрастным, спокойным анализом канонической практики и канонического сознания древней Церкви. Это надежное и авторитетное пособие для современности. Ведь не случайно о. Николай с о. Василием Зеньковским и Б. Вышеславцевым в 1952 г. обдумывал серию «Православие и современность». Да, он был кабинетным ученым, но там, в кабинете, он писал и думал о современности. И это было полезно и необходимо для современности и православия. Он понимал, что это надо, что это как основа. Ведь не случайно о. Николай обдумывал эту серию и сразу же написал для нее исследование о Трапезе Господней. Это было началом его евхаристической экклезиологии. И в 50-х же годах – работу «Служение мирян в Церкви». Эта тематика уже предвещала в его статье «Народ святой» (в «Православной мысли» в 1948 г.). Так в трудах о. Николая возникла евхаристическая экклезиология, т. е. учение о Церкви как евхаристической общине. Евха-

ристическая экклезиология стала очень популярна на Западе и у православных, и у католиков, и у протестантов.

Уже после смерти о. Николая на Западе появились статьи и даже диссертации о нем. Но все же на Западе евхаристическая экклезиология о. Николая менее известна, чем богословие Зизиулеса. Владыка Пергамский – выдающийся богослов. В английском издании своей книги о богословии он много ссылается на труды о. Николая Афанасьева, хотя их на Западе мало знают. У нас же знают об этом и того меньше. А между тем кризисные процессы хаоса и распада в нашей внутрицерковной жизни угрожают единству Русской православной церкви, заставляют всех нас, кому дорого единство и будущее нашей церкви, вплотную заняться обсуждением тех канонических, пастырских, литургических и экклезиологических вопросов, которые подняты, проанализированы и освещены в богатом богословском наследии о. Николая. Теперь, желаем мы того или нет, все мы будем вращаться в круге проблем, о которых писал о. Николай Афанасьев. Может быть, у нас подход будет другой, может быть, решения не во всем будут совпадать, учитывая нашу

реальность, наш новый опыт. Канонические основания самих этих вопросов исторически не незбылемы, и практика может быть разная. В трудах о. Николая вдумчиво и объективно представлена каноническая жизнь и самосознание древней Церкви по этим вопросам. Так что для нас сейчас наследие о. Николая Афанасьева очень важно при обсуждении проблем, связанных с возрождением и сохранением единства церкви. Для нас сейчас главный вопрос – единство, единство поместной церкви, вокруг иерархии, единство евхаристической общины как святого народа – мирян, духовенства, епископата. Богатый материал для канонических и богословских обоснований этого единства можно найти в «Трапезе Господней» (1952 г.) о. Николая. С этим связан и вопрос о значении служения мирян в Церкви. Этому посвящены специальные исследования 50-х годов и статьи, например, «Народ святой», а также отдельные главы труда «Церковь Духа Святого»: первая – «Царственное священство», вторая – «Поставление мирян», *лаи́ков*, как он их называет, третья – «Служение мирян», служение в области священных действий, церковного управления и

учительства, четвертая глава посвящена особому служению апостолов, евангелистов, пророков и учителей.

Во всех этих исследованиях о. Николай, трактующих служение мирян в церкви, мы можем найти полезные данные для стимулирования и корректирования роли мирян в нашей церкви.

...В трудах о. Николая можно много найти канонических обоснований служения мирян в Церкви. Потому что основа Церкви – миряне, не Патриарх и пресвитеры, все вместе взятые, а вы, миряне. Поэтому служение их, как в сознании древней Церкви оно формировалось, очень полезно и для нас. И это нужно иметь в виду при обсуждении создавшегося критического положения в жизни церкви при обсуждении современных наших условий. <...> Я не напрасно говорю «служение». Отец Николай правильно обосновал служение мирян, ссылаясь на древнюю Церковь. Это ведь было настоящее служение – участие в священнослужении, участие в управлении, участие в учительстве, не в ущерб священным полномочиям епископов, а наоборот, в полной гармонии с ними.

Православная община. 1993. № 16-18

Из статьи протопресвитера Николая Афанасьева «Стацио орбис»¹

Если догматически служение епископа остается тем же, что было в первый период истории церкви, то фактически оно изменилось весьма существенно. Мы не вправе говорить, что епископ II или III века тождествен с современным епископом. Основным принципом древней экклезиологии был тезис: один епископ в Церкви. В области универсальной экклезиологии он перешел в противоположный тезис: множество епископов в Церкви, из которых каждый возглавляет часть Церкви, а все епископы возглавляют универсальную церковь (православный тезис) или один из них является главой Церкви (католический тезис).

Оставляя в стороне указанное различие между учениями православной и католической церкви, которое не столь существенно, как принято это думать, современное учение о множественности епископов в универсальной церкви не вызывает недоумения. В действительности мы стоим перед трудной проблемой. В самом деле, если епископ возглавляет часть Церкви, то как определяются границы этой части Церкви? Вытекают ли эти границы из самой экклезиологии, или они определяются в порядке административного управления? В первоначальной церкви границы местной церкви определялись границами евхаристического собрания. К той или иной церкви принадлежали те,

кто совместно участвует в евхаристическом собрании. Фактически эти границы совпадали с границами города (полиса), но это не имело никакого принципиального значения. Это было естественное фактическое совпадение, из которого нельзя делать вывод, что христианство первоначально было «религией города»². Однако сравнительно скоро границы местной церкви вышли за пределы собственно города (в котором появилось несколько евхаристических собраний). В силу этого чисто евхаристический принцип, определяющий границы Церкви, перешел в юридический: границы местной церкви стали определяться границами власти епископа. Кто и как определяет пределы власти епископа, которыми в свою очередь определяются границы местной церкви? Если во многих случаях это происходило явочным порядком, то наиболее обычно эти границы определялись гражданской или церковной властью. Последнее было большей частью на Западе, первое на Востоке, где твердо установился с эпохи 1-го Никейского собора принцип соответствия гражданско-го и церковного устройства. Постепенно устанавливается понятие диоцеза, как части универсальной церкви, которая, в силу распоряжения высшей власти, находится в административном подчинении стоящему во главе диоцеза определенному епископу. Это означает, что епископ становится, больше на Западе,

меньше на Востоке, административным органом высшей церковной власти.

Принятие универсально-понтификальной экклезиологии не вызвало бы практических никаких существенных изменений в современном устройстве католической церкви, за исключением того, что наименование «епископ» принадлежало бы только Римскому епископу, а остальные епископы получили бы какое-нибудь другое наименование. В самом деле, современный епископ, назначенный высшей церковной властью, собственно ничем не связан со своим диоцезом. Во всяком случае, он не является, по выражению Дикса, человеком своей церкви. Назначенный высшей властью, он перед нею ответственен и является ее представителем. Если к этому прибавить, что согласно установившемуся порядку, особенно на Востоке, епископ может быть сегодня во главе одного диоцеза, а завтра другого, при этих обстоятельствах можно ли говорить о каких-либо экклезиологических связях между епископом и его диоцезом? Он является только представителем или чиновником высшей церковной власти, пользующимся теми или иными правами. Еще в большей степени это можно сказать о викарных епископах, которые ничем не связаны с диоцезом. Если бы учение о едином епископе, как следствие признания существования универсального евхаристического собрания, было

бы принято, то оно только бы зафиксировало то, что фактически существует.

<...> 6. Как я уже говорил, идея, высказанная Юнгманном, является самым значительным вкладом в систему универсальной экклезиологии. Это есть попытка дать евхаристическое обоснование универсальной экклезиологии. Однако идея Юнгманна «стацио орбис» остается только теоретической, так как евхаристический принцип неприменим к универсальной экклезиологии, в которой Евхаристия не играет той роли, которую ей хотел бы отвести сам Юнгманн.

«Православная община». 1999. № 49

¹ «Statio orbis» (букв. «стояние мира» (лат.)) – постулируемое Юнгманном евхаристическое собрание христиан всего мира. Так он называет Евхаристию, совершенную папским легатом во время Мюнхенского Евхаристического конгресса, на которой присутствовали епископы, клир и миряне из множества стран и наций, по аналогии со «statio Urbis» (букв. «стоянием Града (Рима)»), или «стациональным богослужением». В ранней Римской церкви это была Евхаристия в большой церкви, возглавляемая епископом Рима, на которую собирались все христиане города. «Приходская жизнь в римской церкви выразилась так энергично, что во время стациональных богослужений римские христиане не перемешивались: каждый приход (парикья) стоял отдельно и каждый приходской пресвитер причащал своих прихожан дарами, освященными здесь» (Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. СПб., 1907. Т. III. С. 209). Во время таких стациональных собраний часто решались общие вопросы церковной жизни – обсуждение ставленников и т. п. – Прим.ред.

² Batiffol. L'église naissante. Paris, 1922. P. 41.

Исполнилось 35 лет со дня кончины митрополита Никодима (Ротова)

5 сентября 2013 года, в 35-ю годовщину со дня кончины выдающегося иерарха Русской Православной Церкви митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова), в Санкт-Петербурге прошли панихиды. В Троицком соборе Александро-Невской лавры была совершена заупокойная Божественная литургия.

Первыми в этот день почтили память владыки Никодима, с чьим именем неразрывно связана судьба духовного образования в городе на Неве, духовенство, студенты и преподаватели Петербургской духовной академии. В 8 часов утра в академическом храме апостола и евангелиста Иоанна Богослова ректор СПбДА епископ Петергофский Амвросий в сослужении духовенства академии совершил заупокойную литию.

По сложившейся многолетней традиции почтить память митрополита Никодима в Санкт-Петербург прибыл митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. За Литургией в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры владыке Ювеналию сослужили митрополит Днепропетровский и Павлоградский Ириней, митрополит Новгородский и Старорусский Лев, епископ Петергофский Амвросий, епископ Царскосельский Маркелл, наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры епископ Кронштадтский Назарий, епископ Боровичский и Пестовский Ефрем, епископ Тихвинский и Лодейнопольский Мстислав, епископ Гатчинский и Лужский Митрофан, клирики Санкт-Петербургской епархии: протоиерей Павел Красноцветов, настоятель Казанского кафедрального собора Санкт-Петербурга; протоиерей Владимир Сорокин, настоятель Владимирского собора; протоиерей Константин Смирнов, настоятель храма Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади; протоиерей Геннадий Зверев, настоятель Софийского собора в Царском Селе; протоиерей Михаил Николаев, настоятель храма свв. апт. Петра и Павла в Лодейном Поле, духовенство из числа братии Александро-Невской лавры. В алтаре молился митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир.

По окончании Литургии митрополит Ювеналий обратился к молящимся со словами, посвященными памяти владыки Никодима и его заслугам перед Церковью. «Сейчас в некоторых случаях принято ставить памятники церковным деятелям, но мы, духовные чада владыки Никодима, не ставим об этом вопрос,

потому что знаем, как в истории России относятся или относились к различным памятникам. Но мы храним эту память в своем сердце подобно тому, как говорится в стихотворении Пушкина: “я памятник себе воздвиг нерукотворный”. Вот этот памятник – то, что спустя 35 лет мы в своем сердце живо представляем образ этого выдающегося святителя Русской Православной Церкви».

Один из тех, кто не только хранит эту память, но передает её другим, архимандрит Августин (Никитин), автор книги «Церковь плененная. Митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников)», написал несколько лет назад: «Имя митрополита Никодима на века вписано в историю Русской Православной Церкви. Доктор богословия, Председатель Отдела внешних церковных сношений, Патриарший Экзарх Западной Европы, Президент Христианской Мирной Конференции, Президент Всемирного Совета Церквей – это лишь основные его титулы, должности и звания...

Энергия владыки была неисчерпаемой. Даже одержимый сердечными недугами, он разрывался между обеими столицами. Лежа на одре болезни в Серебряном Бору, он постоянно работал с бумагами<...> Вот типичная картина отъезда в Москву. До отхода “Стрелы” остается 20 минут, а владыка все еще “шуршит бумагами” у себя в покоях. Потом, в сопровождении секретаря, быстрым шагом идет по коридору к машине. Шофер Николай Иванович трогает с места и, осенив себя крестом, выжимает из ЗИМа все, что можно. Начальник Московского вокзала обычно бывал в курсе дела и иногда задерживал отправление экспресса до 5 минут. Шествуя по перрону к вагону СВ, владыка тяжело дышал, опираясь на посох и глотая нитроглицерин. И в машине, и в купе – бумаги, подписи, распоряжения....<...> У владыки не было личной жизни; такой праздник, как Новый год, он мог проводить в ночной “Красной стреле”, следуя с иподиаконами из Ленинграда в Москву и далее – в Рязань, чтобы посетить могилу матери».¹

Кипучая деятельность митрополита Никодима затронула самые разные сферы церковной жизни. И если его церковно-политические усилия (не всегда встречающие ныне однозначную оценку), так же как и имевшее огромное значение спасение им Ленинградской духовной академии достаточно широко известны, то о его

вкладе в развитие православного богослужения говорят гораздо меньше. Между тем он стремился сделать богослужение живым и доступным для молящихся: возродил традицию служения литургии апостола Иакова, ввел чтение Апостола и Евангелия на русском языке и обязательную проповедь (сразу по прочтении Евангелия или после отпуста)². Вот как вспоминает об отношении митрополита Никодима к богослужению митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий: «Богослужение было для митрополита Никодима важнейшим делом жизни. Он нередко говорил, что в болезни или чрезвычайном утомлении от трудов всегда получал укрепление через молитву. Когда пришел серьезный недуг, он ежедневно причащался Святых Христовых Таин. Те, кто были свидетелями того, как служил Владыка, — а многие из них теперь архипастыри и мститые протоиереи, — помнят, насколько величественно и молитвенно он это делал. Любил Устав, церковное благолепие, но не ради них самих, ибо видел главный смысл богослужения в провозвестии Евангелия и приобщении людей к спасительной миссии Церкви»³.

По материалам сайтов Патриархия.ru, СПбДА.ru, СФИ.ru и сайта, посвященного 300-летию Александро-Невской лавры

¹ Августин (Никитин), архим. Митрополит глазами иподиакона // Нева. 2004. № 10.

² Макеева Дарья. Митрополит Никодим (Ротов) и основные направления его церковной деятельности. Режим доступа: <http://www.sf.ru/statja/mitropolit-nikodim-rotov-i-osnovnye-napravlenija-ego-cerkovnoi-dejatelnosti/> (дата обращения: 03.09.2013).

³ Совершивший невозможное. Подборка высказываний о митрополите Никодиме (Ротове) к 300-летию Александро-Невской лавры. Режим доступа: <http://300lavra.ru/archives/3312> (дата обращения: 03.09.2013).

«Возрождение соборной жизни в её полноте было мечтой верных сынов Русской Православной Церкви»

Из доклада митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима на торжественном юбилейном заседании в МДА 28 мая 1968 года

В ноябре 1917 года Поместный Собор Русской Православной Церкви принял историческое определение, коим было восстановлено патриаршество. Этим исключительно важным актом Поместного Собора 1917–1918 годов как бы полагалась основа и создавалась благоприятная возможность для последующего развития церковной жизни в духе всё большего приближения к каноническим нормам, завещанным Вселенской Церкви её древними отцами и учителями, указывался и намечался ясный путь постепенного воссоздания и внедрения в эту жизнь истинной полнокровной соборности, о которой так ярко говорит текст 34 Апостольского правила: «Епископам всякого народа подобает знати перваго в них и признавати его яко главу и ничего, превышающего их власть, не творити без его разсуждения... Но и первый ничего да не творит без разсуждения всех. Ибо тако будет единомыслие и прославится Бог о Господе во Святом Духе».

Стремление к возможно более полному выявлению соборности является неотъемлемой частью сознания подлинных православно верующих людей. Только как единый духовный организм, как единство во множестве и множество в единстве, могла и может Русская Православная Церковь успешно и в должной полноте выполнять возложенные на нее Промыслом Божиим и историей священные задачи: пребывание в нерушимой верности заветам древней неразделенной Вселенской Церкви, беззаветное и жертвенное служение Отечеству и своему народу, неуклонное свидетельство о мире, правде и любви к человеку.

...Стесненность Церкви во время синодального периода сильно ощущалась в области духовной цензуры. Само догматическое богословие рассматривалось в Российской империи, скорее, как область официально признанной доктрины, охранять неприкосновенность которой считали своим долгом наиболее ретивые обер-прокуроры типа графа Протасова, чем как наука, призванная выражать истинно церковное соборное сознание и творчески воспринимать и раскрывать в новых условиях непреходящее богатство Божественного Откровения, вверенного Церкви. При таком подходе к богословской науке становились возможными факты, достойные глубокого сожаления. Известно, например, что под сомнение ставилось даже православие приснопамятного митрополита Московского Филарета и, в частности, его высказывания в знаменитом Слове на Благовещение Пресвятой Богородицы, сказанном им в 1822 году, его мысли, изложенные в «Разговорах между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви», его опыты по составлению «Катехизиса», по руководству делом перевода на русский язык Священного Писания и т. п. Известно также, что богословские сочинения А.С. Хомякова появились в русской печати лишь после того, как о них уже прекрасно знали в Западной Европе, по той простой причине, что «во всё продолжение учено-литературной деятельности Хомякова настроение, у нас господствовавшее, исклѣчало всякую возможность не только оценки их по достоинству, но даже совестливого к ним внимания»¹.

Не без оснований и в начале XX века один из известных русских богословов-новаторов писал, что «глубокое извращение духовно-нравственной сущности христианства откровенным отрицанием, даже в печати, свободы совести и свободы религиозного слова – вот главное наше религиозно-церковное бедствие, стоящее всех других»².

Возрождение соборной жизни в её полноте было мечтой верных сынов Русской Православной Церкви, болезненно переживавших эти и им подобные отрицательные явления синодального периода. «Церковь католическая, — писал А.С. Хомяков, — есть Церковь... свободного единодушия, единодушия полного», в которой самое понятие «собор» выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве»³. «Ни количество представителей Церкви, ни их высокое положение в церковной иерархии, ни власть и согласие императоров, ничто, взятое само по себе, не может служить достаточной гарантией истинности собора», пока «Церковь, т. е. осеняемое благодатью нравственное единство всех верующих, не засвидетельствует своим одобрением, что голос собора есть действительно её собственный голос»⁴. Изысканием путей к восстановлению соборных норм церковной жизни занимались горячо и усердно не только отдельные энтузиасты из числа иерархов, ученых богословов и церковно-общественных деятелей. Эта тенденция церковной мысли и деятель-

ности нашла себе яркое выражение и в дискуссиях, имевших место в Предсоборном Присутствии 1905–1906 годов, на постоянном Предсоборном Совете 1912 и последующих годов, а также в Предсоборном Совете, заседавшем в последние месяцы перед открытием Поместного Собора 1917–1918 годов. В процессе этих дискуссий наметился основной курс – на восстановление в России насильственно отменённого патриаршества, которое мыслилось как чрезвычайной важности мероприятие, могущее, при правильном его понимании, вернуть Русской Церкви достоинство соборного организма, способного наилучшим образом, в духе полного единомыслия, выполнять завещанное ей духовное и патриотическое служение.

...18 августа 1917 года митрополит Московский Тихон, избранный председателем Собора, обратился к избравшим его с речью, в которой подчеркнул историческое значение созыва этого Собора. Он сравнил Русскую Церковь, лучшие сыны которой жили в синодальный период мечтой о возобновлении соборной жизни, с древним Израилем, который мог лишь издали созерцать обещанное ему от Господа наследие, но не мог войти в Обетованную землю...

Журнал Московской Патриархии. 1968. № 12

¹ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2, изд. 5-е, М., 1907. См. предисл. к 1-му изд., с. II.

² Светлов П.Я. Где Вселенская Церковь? Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1905. С. 50, подстр.

³ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 312.

⁴ По книге Завитневича В.З. «Алексей Степанович Хомяков». Киев, 1913. Т. 2. С. 225 и 232–233.

«Основа всякого служения – в обновлении литургической жизни»

Начало на с. 1

Интервью с епископом Губкинским Софронием

На литургии по чину святого апостола Иакова, брата Господня, в храме, освященном в честь этого апостола, в городе Губкине. 13 января 2013 года.

Каких усилий в области миссии сейчас особенно не хватает?

Наверное, внутреннего горения пастырей. Прошло время, когда священнослужитель был лишь требоисполнителем: у престола Божия совершал литургию, потом крестил, венчал, отпевал и все – нет, теперь священнослужитель, как я считаю, должен выйти за пределы храма и там должен проповедовать. Нужно пойти, следуя заповеди «идите и научите...». Ведь в ней первое слово – «идите». Не говорится же – «ждите и научите»... И священнослужители, пастыри, миссионеры, должны, как апостолы, пойти к людям. Что греха таить, люди неделю трудятся на своих предприятиях, в субботу и воскресенье им хочется побыть с семьей, отдохнуть, да просто выспаться, заняться своим хозяйством. И для храма места в их жизни совершенно не остается, кроме великих праздников. Да и к ним, к сожалению, распространено потребительское отношение. На Пасху почему все в храм идут? Освятить

куличи и пасхи. Рождество сегодня для многих какой-то «зимний праздник» (и еще почему-то средствами массовой информации навязано представление, что это самый великий праздник, хотя самый великий праздник – Пасха). На Крещение все за водой идут в храм. То есть у человека нет потребности в исцелении своей души – в том, для чего храмы и существуют. А потребность есть прийти, взять какие-то святыни, унести их домой. Пастырь же должен научить людей подлинной вере. Он должен появляться на предприятиях, фирмах, чтобы с людьми провести какую-то беседу. Где-то же находят наши руководители предприятий место для психолога, для каких-то тренингов. Зачем тренинги? Простой священнослужитель их может заменить, простая человеческая душевная беседа один на один.

Что из Вашего опыта участия в миссиях в Сибири, на Дальнем Востоке, в Калмыкии Вы считаете наиболее плодотворным?

Прежде всего хотелось бы сказать, что актуальность миссионерского служения особенно высока для дальних регионов нашей церкви. Что касается оценки своей работы, то не могу сказать, что я какие-то особые плоды принес. Однажды я услышал, как у моего духовного отца, учителя, наставника владыки-митрополита спросили: «Что Вы как руководитель Миссионерского отдела сделали самого главного в жизни?» И он сказал: «Я крестил своих одноклассников».

Мой класс был абсолютно атеистический, он совершенно не понимал моего ухода на служение Церкви. Я хотел поступать в университет, все для этого было готово, у меня было желание учиться – и вдруг я все переменяю. Так вот, самое приятное для моей души из того, что я сделал в своей жизни, о чём я с большим желанием всем говорю, – это то, что я крестил трех своих одноклассников по школе. У нас Сибирь, суровый край, кто-то из моих одноклассников сидел, были среди них и наркоманы. Но троих я крестил, я благословил их семьи. И хотя они меня и знают с детского возраста, у них ко мне почтение – не только из-за сана, а просто из-за того, что я им, может быть, что-то в жизни помог преодолеть и к чему-то в жизни их направил. Ну и, конечно, всех моих односельчан, которых я очень люблю и которые были старообрядцами-беспоповцами, я с благословения местного правящего епископа и нашего владыки-митрополита крестил в православной вере. Слава Богу, многие пришли. Церкви там пока нет, они ездят за восемьдесят километров в город Улан-Удэ, там молятся, причащаются, исповедуются. Это то, что очень для меня важно.

Что Вы планировали сейчас в Вашей епархии предпринимать в плане миссионерской деятельности?

Во-первых, есть у меня благочиния, есть приходы, которые живут еще в старом времени, советском. И мне хочется

этих священнослужителей, которые имеют колоссальный, богатый духовный опыт, немного не то чтобы встряхнуть, но подвигнуть и к другому служению. Они имеют большой опыт, они могут идти и в школы, училища, институты, проповедовать там слово христианской веры – не только заниматься общением в храме, но и выйти за пределы храма.

Еще, конечно, есть у меня большое желание создать в епархии как можно больше образовательных учреждений с православным направлением. Недавно в городе Строитель в общеобразовательной школе, которая насчитывает около тысячи учеников, мы открыли православный класс – как делают иногда кадетский класс или класс с изучением иностранного языка. И вот мы думали: «придет ли кто-нибудь в этот класс или нет?» Мы рассчитывали набрать двадцать человек, и мы набрали их. Но заявлений было подано в пять раз больше: 101 заявление. Это нам аванс – чтобы в других школах этого города мы сделали такие же православные классы. Они ничем не будут отличаться от общеобразовательных, но там будут еще и православные дисциплины, учеба будет начинаться с молитвы и заканчиваться молитвой. Дети будут праздновать православные праздники, ходить в храм Божий. Что получится, я не знаю, но я очень хочу, чтобы эти дети стали действительно хорошими выпускниками, горячими патриотами нашей Родины и православными христианами.

И последний вопрос. Нашей газете в этом году исполнилось 10 лет. Что бы Вы хотели ей пожелать?

Я хотел бы пожелать, чтобы ваша газета была интересна. Думаю и уверен, что для людей это будет как некий ориентир, и может быть, читая ваши публикации, они найдут ответы на те вопросы, которые их в жизни интересуют. Ну и, конечно, желаю вам помощи Божьей.

Беседовал Александр Волков
Фото с сайта Губкинской епархии

Да будет смысл

Можно сказать, что более осознанное участие мирян в богослужении повлияет и на объединение приходских общин?

Я думаю, что должно повлиять, потому что когда люди начнут понимать, что означают те или иные слова, они будут с этим как-то соотносить свою жизнь. Ко мне недавно подошла одна женщина и сказала, что она услышала, как клирик нашего храма произнес не «живот наш Христу Богу предадим», а «жизнь нашу Христу Богу предадим». «Как же так, батюшка?» – спрашивала она, а я ответил ей: «А почему нет? Ведь славянское слово «живот» означает не часть тела, как мы можем это невольно понять, а именно жизнь. И мы действительно всю жизнь нашу должны отдавать Богу. Просто мы часто не задумываемся, произнося эти слова, они не откладываются в нашем сердце и не подвигают нас к какому-либо действию. Но так ведь не должно быть».

Когда мы знаем истинное значение слов, эти слова будут нас вдохновлять на конкретные дела. «Вера без дел мертва» – говорит апостол Иаков. И к этим делам должны нас подвигать в нашей христианской жизни слова молитвы. А мы часто слушаем их просто как привычные, знакомые тексты, и они уже не побуждают нас к активному действию, а становятся просто неким красивым обрамлением нашей жизни. Поэтому я думаю, что размышление об истинном смысле слов молитвы должно и духовенство, и всех мирян лишний раз заставить задуматься

Интервью с секретарем Губкинской епархии, сотрудником Миссионерского отдела протоиереем Димитрием Карпенко

Начало на с. 1

о своем месте в жизни Церкви, о том, что мы делаем и чего не делаем.

Тысячелетие крещения Руси во многом стало для нашей церкви символом возрождения. Недавно мы праздновали 1025-летие крещения. Вы можете как-то охарактеризовать прошедший 25-летний период?

Это очень интересный, яркий период, когда наша Русская церковь стала открыто проповедовать Евангелие и были в принципе сняты все те ограничения, которые существовали в годы советской власти, да даже и до революции, потому что в те годы Церковь тоже не была вполне свободна в каком-то смысле. И вот для нее открылись совершенно новые перспективы и совершенно новые реалии, с которыми она еще никогда не сталкивалась в сфере церковно-государственных взаимоотношений и других областях. Конечно, здесь многое было сделано: построено огромное количество храмов, отреставрировано множество поруганных святынь. Но самое главное, что должно было делаться нами, но делалось в меньшей степени, и что хотелось бы сделать в большей степени, – это создание живых общин, живых приходов, потому что «Церковь не в бревнах, а в ребрах», как говорит известная народная поговорка. Мы должны дать людям возможность понять, в чем действительно заключается жизнь с Богом и жизнь в

Церкви. Ведь это не просто некий набор каких-то ритуалов, которые мы совершаем: поставил свечку, заказал молебен, отстоял акафист. Это действительно полнокровная, полноценная новая жизнь по Евангелию, которая возможна и сегодня, в наши дни, в такую эпоху человеческой истории, когда мы говорим о секуляризме, о бездуховности, о том, что материальное превалирует над духовным. Но и в эту эпоху возможно жить по Евангелию, и сегодня возможно созидать живые общины, живые приходы, куда люди будут приходить и знать друг друга, знать проблемы каждого, жить единой семьей. И вот в этом направлении есть все возможности для развития нашей церкви.

И я думаю, мы будем стараться использовать все то, что Бог нам дает, все возможности, что у нас есть. А возможности на самом деле много. Было бы желание, была бы вера, и все получится. Сейчас время возможностей, оно еще продолжается, и пока еще есть все необходимое для того чтобы делать и творить дела Божии. И каждый священник, и каждый мирянин, если он захочет к этому приложить свои усилия, найдет для этого возможность.

Как Вы думаете, что изменится в нашей церкви к празднованию 1050-летия?

Сложно сказать. Но, конечно, мы будем иметь плоды. Во-первых, плод тех преобразований, которые совершаются

сегодня, когда образуются новые епархии и поставляются новые епископы. Через двадцать пять лет вырастет новое поколение духовенства, воспитанное уже не в реалиях тоталитарного общества, а общества все-таки свободного, в котором мы пока живем. И, естественно, это будет уже другой взгляд на многие вещи.

Я думаю, многие проблемы, которые сегодня стоят перед нами, таковыми не будут являться. Появятся какие-то другие, потому что человеческое общество быстро развивается, технический прогресс набирает темпы. И я думаю, что через 25 лет многое поменяется именно в этом плане: будут совершенно другие условия жизни. Но и тогда, я уверен, можно и нужно будет проповедовать Христа, созидать Церковь и общины, братьев и сестер во Христе. Конечно же, наша церковь только увеличит свое присутствие в обществе, появится большое количество христиан. Не подавляющее, конечно же, но в любом случае больше будет людей, осознанно относящихся к своей жизни, к своим обязанностям и имеющих самое главное чувство, которое у нас пока не совсем развито, – чувство ответственности за то, что Бог тебе дал, за те возможности, которые ты имеешь. Я думаю, что все это будет возрастать, и мы имеем надежду, что Господь не оставит нашу Русскую церковь, не оставит верующих людей, и у нас будет все необходимое для служения Богу.

Беседовал Александр Волков

На что опираться, сражаясь с силами Мордора

Начало на с. 1

Шедевры оттенены и высвечены контекстом, внутри которого они рождались. Добавим в скобках, что ни в какой момент британской истории коллекцию не продавали, не разоряли. А когда в 1933 году большевики, по личному указу И. Сталина, решили продать Англии сокровище Российской национальной библиотеки – Синайский кодекс (IV в.), – англичане собрали 100 000 фунтов стерлингов за один день.

В Букингемском дворце, резиденции действующей английской королевы, посетителям всеми силами дают понять, что они не случайные туристы, а гости королевской фамилии. Фонограмма аудиогuida, приветствующего каждого гостя на его родном языке, начинается с обращения принца Чарльза к тем, кто удостоил его дом чести посещения. Посетители платят хозяевам взаимностью: в зале, где демонстрируются кадры коронации Елизаветы II, англичане останавливаются и торжественно стоят ровно столько, сколько длится возложение короны на голову королевы Великобритании.

Впрочем, труды по сохранению традиции в Англии явно не только забота государства. В удаленном от центра районе Лондона нам показывали созданный руками местных жителей «Сад Марии» – отвоєванный у промышленных зданий участок земли, где все желающие возвращают дивные растения и удивительной красоты цветы.

И все же очертания Белого коня не кажутся ныне такими безукоризненно чистыми. В центре Трафальгарской площади на пьедестале рядом с колонной адмирала Нельсона возвышается огромный синий петух; вплотную к историческому центру города подступают небоскребы и безобразные стекляшки; многочисленные заборы расписаны граффити, так что порой кажется, что попал в привычное постсоветское пространство... И самое удивительное – в Лондоне совсем не видно храмов, особенно действующих храмов, которые встречают тебя почти на каждой улочке даже небольшого итальянского городка. Бывшие храмы обретают новую жизнь под видом вокзалов, столовых, частных апартаментов, музеев. Посещение собора Св. Павла (архитектор Кристофер Рен, 1708 г.), центрального действующего собора Лондона, стоит больше, чем посещение Букингемского дворца.

«Если мы не будем с неустанной заботой чистить очертания Белого коня, – пишет С.С. Аверинцев, – их очень скоро заглушит трава, и они будут утрачены навсегда». Но что заставляет человека неустанно тратить свои силы на эту подчас весьма неблагодарную работу? Как сохранить в сердце память о подлинных очертаниях, о чистоте линий? Традиция европейского человечества берет свои истоки в опыте христианской веры. Что будет с Белым конем, если питающий его источник будет забыт навсегда?

Страна добропорядочных людей

Англия – страна, в которой последняя гражданская война была в 1688 году. Это чувствуется в воздухе, в атмосфере, во взглядах и манерах людей. Это особенно остро чувствуется нами, живущими в стране, залитой кровью до сих пор не прекращающейся гражданской войны. Я отлично знаю европейский стиль «keen smile», но все же не могу не верить, что рыжеволосая девочка, удивительно похожая на Люси из «Хроник Нарнии», встречаясь со мной глазами во время литургии, вспыхивает застенчивой и доброжелательной улыбкой не потому, что так требуют приличия. Она почему-то мне априори рада и почему-то доверяет совершенно не знакомому ей человеку. Впрочем, так же, как ее мама и десятки англичан, с которыми нам пришлось так или иначе столкнуться в ходе нашего паломничества. Наверное, если бы у нас была возможность продолжить

общение, мы обнаружили бы ту «стену», о которой пела группа Pink Floyd, умение англичан жестко держать дистанцию, но наше пребывание в стране Туманного Альбиона было слишком кратким.

Поделюсь еще одним антропологическим наблюдением литературного свойства. Во время посещения Оксфорда мы побывали в Christ Church, одном из наиболее аристократических колледжей при Оксфордском университете, в котором с 1851 года учился, а позднее преподавал Льюис Кэрролл (настоящее имя Чарльз Лютвидж Доджсон). С 1856 года деканом этого колледжа стал Генри Лиддел, дочь которого, четырехлетняя Алиса, вдохновила Доджсона на написание знаменитой сказки «Алиса в Стране чудес». Мы прошли мимо паба «The Eagle and Child» («Орёл и дитя»), в котором Клайв Льюис, Джон Толкиен и другие представители Оксфордской литературной группы «Инклингов» собирались по вторникам, чтобы обсуждать фантастические истории, происходившие в Средиземье и Нарнии. Наконец, мы заглянули в средневековую трапезную, где снимали фильм о Гарри Поттере, главном герое романов английской писательницы Джоан Роулинг. Одним словом, нам довелось воочию убедиться, что жанр фэнтези зародился, развился и обрел эпический размах именно в Англии. Гномы, хоббиты, маги, волшебники, таинственные зазеркальные миры... не стали ли они компенсацией того, что из жизни стала исчезать подлинная тайна, связанная с подлинной верой?

Любопытное совпадение. В 1867 году диакон англиканской церкви Доджсон (более известный, как Льюис Кэрролл) вместе с богословом Генри Лидделом посетил Россию. В Москве и Сергиевом Посаде они были приняты митрополитом Филаретом (Дроздовым), небесным покровителем нашего института. Это был период богословских контактов англиканской и православной церквей с перспективой их воссоединения. Известно, что это воссоединение было особой заботой А.С. Хомякова, написавшего в 1844–1854 годах ряд писем англиканскому диакону В. Пальмеру. «Он надеялся в глубине души, что вслед за Пальмером и вся англиканская Церковь присоединится к Церкви православной»². Присоединение англиканской церкви к православной в XIX веке не состоялось, но слово Хомякова не осталось бесплодным. В Оксфорде мы встречались с митрополитом Диоклийским Каллистом (Уэром), который признался, что в 1958 году стал православным в первую очередь под влиянием трудов Хомякова.

Но возвращаюсь к жанру фэнтези. Почтенные состоятельные англичане, с которыми «никогда и ничего не приключалось и они не позволяли себе ничего неожиданного»³, видимо, особенно любили, сидя в своих теплых хоббитских норках, читать о чем-нибудь возвышенно-героическом. Честертон, Льюис, Толкиен как-то особенно верили в эту добропорядочность своих соотечественников, в благую силу человеческой традиции, воспринятую ими. Ведь именно симпатичный добродушный хоббит, когда приходит беда, когда наползают силы Мордора, оказывается способен остановить зло, даже рискуя собственной жизнью.

Однако в реальности добропорядочный человек, пока беда не вламывается к нему в дом, чаще всего не хочет признавать существование сил Мордора, не хочет соглашаться вести непрестанную войну с «духами злобы поднебесной». Нужны какие-то иные силы, какое-то иное видение, какое-то иное мужество, чтобы стать воистину воином Христовым. Именно в сердце старой добропорядочной Англии мы получили известие о гибели отца Павла Адельгейма, никак не всколыхнувшее спокойствие западного мира.

О силах Мордора, об опасностях секуляризма и фундаментализма, гро-

зящих христианским церквям Запада и Востока, мы говорили с митрополитом Каллистом (Уэром) и позднее – с митрополитом Иоанном (Зизиуласом). Оба они признали, что опасность фундаментализма для Православной церкви очень велика, что с фундаментализмом очень непросто справиться. Митрополит Иоанн предположил, что «единственный способ противостоять этой опасности – продолжать делать то, что мы должны сегодня делать как члены Православной церкви, <...> способствовать тому, чтобы богатая православная традиция становилась более открытой для мира, а не превращалась в то, что противостоит ему»⁴, и выразил надежду, что «фундаменталистское движение со временем превратится в своего рода секту и перестанет быть частью Православной церкви». Но судьба отца Павла снова и снова возвращала нас к мысли о том, что время подчас «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез» (Б. Пастернак).

«История свершается сейчас»

И, наконец, несколько слов о знаменитом православном монастыре Св. Иоанна Крестителя в графстве Эссекс – главной цели нашей паломнической поездки. Монастырь был основан в 1959 году схииеримандритом Софронием (Сахаровым), учеником преподобного старца Силуана Афонского. В 1965 году перешел в юрисдикцию Константинопольского патриархата. Сейчас в нем проживает около 40 насельников, есть мужская и женская монашеские общины. Многие монахи лично помнят старца Софрония, отошедшего ко Господу в 1993 году, с удовольствием рассказывают о нем, передают его слова.

В монастыре нам сразу объяснили, что цель монашеской аскетики и вообще монашеской жизни – стяжание любви, и если ее нет, то никакие молитвенные подвиги не будут иметь смысла. Атмосфера в обители, действительно, подтверждает стремление следовать этой максиме. Монахи и монахини доброжелательны, приветливы, готовы оказать всяческую помощь. В воскресный день монастырь распахивает свои двери для многочисленных гостей, по преимуществу греков, съезжающих сюда со всей Англии. Благоговейная тишина сменяется на один день радостным гулом играющих детей и общающихся друг с другом взрослых, пьющих чай вместе с настоятелем и всей братией.

Впрочем, монастырь никак не производит впечатления «православной тусовки». Из разговоров с приезжающими сюда людьми, среди которых англичане, русские, румыны, французы, греки, мы поняли, что едут сюда за духовным окормлением, за возможностью глубокой молитвы, за православной традицией, восходящей к преподобному Силуану. В разговоре с нами насельник монастыря архимандрит Захария (Захару) рассказал, что в жизни монастыря есть два духовных центра – литургия и Иисусова молитва: «Это два основных пути стяжания благодати. Чем больше своей жизни мы отдаем Христу, тем больше Своей жизни дает Он нам».

В богослужбной жизни многонационального монастыря естественно звучат самые разные языки: английский, греческий, церковнославянский. Нам особенно запомнилась литургия, совершенная в маленьком домовом храме Св. Иоанна Предтечи, с которого некогда начался монастырь: тихая, неспешная, торжественная – когда каждое слово анафоры падает в самую глубину сердца. Во время литургии звучит несколько молитв, добавленных некогда в чин старцем Софронием. Их назначение, по словам монахов – помочь человеку войти в литургию, приуготовить сердце к самому сокровенному таинству Церкви, к встрече со Христом.

Монахи открыты к общению, готовы делиться собранным и сохраненным ду-

ховным опытом. Архимандрит Захария объясняет нам, в чем особенности понимания послушания преподобным Силуаном, что значила его знаменитая фраза «держи свой ум во аде и не отчаивайся». По его словам, старец Силуан понимал послушание не как добровольную жертву самым ценным даром человека – даром свободы, а как честь и привилегию, позволяющую чадам Божиим восходить к своему Небесному Отцу. А «держи свой ум во аде и не отчаивайся» – не просто аскетическое упражнение, предполагающее созерцание адских мук, но путь Христа, Который, сойдя во ад, победил смерть и теперь сопутешествует с нами.

Одним словом, монастырь производит впечатление замечательного центра христианской жизни, живущего не мертвой традицией, а живым преданием. И все же... Шофер, подвозивший нас от станции, с внешностью типичного английского кэбмена, о монастыре почти ничего не знал. Он объявил себя неверующим человеком и на мой вопрос, почему люди перестают верить, ответил: «Мир такой. Слишком спокойно живем. Нет жадности Бога». Один из русских монахов монастыря рассказал нам, что его служение – готовить к браку молодые пары, и совсем не понял нас, когда мы попытались объяснить, что счастливая благополучная семья обладает трагической способностью заслонять от человека Христа. В этом православном монастыре никто не знал о гибели отца Павла Адельгейма, и только одна старая больная монахиня – Пелагея, передвигающаяся по монастырю на смешной мотоциклете, узнав от нас эту трагическую новость, стала останавливать всех проходящих мимо и просить молитв об убиенном русском священнике.

Монастырь Эссекс – это, действительно, оазис, остров, укрытый от «жителей моря, возмущаемого напастей бурей», огибаемый волной истории. Снова и снова перед нами встает вопрос: а должно ли христианство выходить на стогны града? в чем наша ответственность за свершающуюся сейчас историю? В кабинете старца Софрония висит вышивка матери Марии (Скобцовой) – София, Премудрость Божия, пламенеющая любовью ко Христу и к человеку, носителю Его образа. Это один из возможных ответов: «Или христианство огонь – или его нет».

Юлия Балакшина

¹ Аверинцев С.С. Гилберт Кит Честертон, или Неожиданность здравого смысла // Аверинцев С.С. Поэты. М., 1996. С. 310.
² Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/khomyakov/03.html> (дата обращения: 03.09.2013)

³ Толкиен Р.Р. Хоббит, или туда и обратно / пер. Н.Л. Рахмановой. СПб., 2000. С.3.

⁴ Полный текст интервью с митр. Иоанном (Зизиуласом) см. в следующем номере газеты

Матушка Пелагея

Два обращения

Мощная волна антирелигиозной пропаганды, преследование верующих, кампания по закрытию и уничтожению храмов в конце 1920-х – начале 1930-х гг. породили ответную форму христианского сопротивления агрессивному безбожию – обращения православных христиан в органы советской власти и партийные организации. Интересно, что найденные нами обращения принадлежат в основном мирянам – духовным чадам священников, чей пастырский талант особенно ярко раскрылся именно в эти годы, или членам приходских советов, которые ясно поняли, что судьба храмов зависит теперь от них в большей степени, чем от духовенства. Некоторые из этих документов, такие как обращение Нины Рогачевой, являются примером миссионерской проповеди покаяния и исходят из чувства родства всех современников, находящихся в пучине общей беды. Другие, как обращение прихожан Выйско-Никольской церкви Нижнего Тагила, – образец апологии христианского достоинства, апеллирующий к разуму и благородству противоположной стороны.

Выйско-Никольская церковь, начало XX века

Надеялись ли они, что гонители услышат их? Что их слово поможет угасить кошмар происходящего? Думаю, что верили в возможность диалога, искали его, рассчитывали достучаться до ума и сердца пусть и заблуждающихся, но все же братьев своих. В свое время они не были услышаны. Нина Рогачева была репрессирована, а Выйско-Никольский храм – родовая усыпальница Демидовых – закрыт в 1930 г., а в 1963 г. взорван. Архивные документы открывают нам как боль, так и силу веры наших предшественников, то христианское вдохновение, что не имеет срока давности. Пусть во время написания обращения не произвели ожидаемого действия, но сегодня эти голоса могут послужить для нас камертоном.

Обращение, адресованное Пермскому комитету коммунистической партии большевиков, написано в 1931 году и принадлежит жительнице Пермского края Рогачевой Нине Дмитриевне:

«Обращаюсь к вам, носителям власти в моей дорогой стране, по следующей причине: вы сделали для всей жизни невыносимую! Вся Россия стонет под гнетом Советской власти. Стонут, раскулаченные по тюрьмам и в ссылках разоренные, нищие и голодные, лишенные семьи, старики, женщины, дети. Стонет духовенство, великие старцы подвижники, которых терзают вы нравственно и физически! Стонут женщины, дети, у которых отняли отцов и мужей своим безнравственным законом свободных разводов, который вместо сознания долга и совести, дал только свободу плотской похоти, в жертву которой приносят жизнь и счастье жен и детей. Стонут девушки, у которых отняли девство, девичий стыд, женственную скромность и чистоту: в 12–14 лет они уже падшие женщины. Молодежь, мальчики у вас – несчастные “хулиганы” с бранью самыми скверными словами, которыми они оскверняют уста свои, покрывают ими стены домов, заборы, двери, даже на снегу написаны эти ужасные слова. Стонет дорогое родное крестьянство мое, наш русский народ, о котором еще Некрасов сказал: “Где народ – там и стон... Эх, сердечный! Что же значит твой стон бесконечный?”. Но никогда не стонал наш гонимый народ, как теперь. Жутко! И вы слышите это, но закрыли глаза, заткнули уши. Вы, которые брали власть во имя добра и правды, чтобы освободить от гнета, чтоб в прекрасной, свободной стране не было униженных и угнетенных! А вместо этого сами стали угнетателями невыразимо худшими, властью, которая беззастенчиво грабит и разоряет, хуже разбойников! Вы людей обратили в животных, которые поглощены одною заботою о хлебе, о пище (телесной), с утра до ночи, а часто и ночью стоят в

Рогачева Нина Дмитриевна, 1937 г.

очередях, голодные, измученные, уставшие, озлобленные изо дня в день. А духовной пищи вы не дали никакой для бессмертной, живой человеческой души, лишь ваши лживые газеты, с противными, собственно вашими словами “буржуй”, “кулак”, “лишенец”, “белый”, “красный”. Все эти слова означают гнусную травлю людей и стоят вместо слов: “брат”, “брат”. “Кулаки”, “лишенцы” наши люди – братья, быть может и лучше вас и меня. Вся страна разорена: нищая, босая, голодная, холодная! Вы делаете то же, за что издевались над старой властью: торгуете вином, спекулируете, где прежде наживали гроши, вы берете четвертную цену! Возмущались расстрелами и казнями – и сами казните и расстреливаете! ...Я не люблю тебя, “советская власть”, как угнетателей, мучителей, как тяжкое несчастье моей родной страны! Быть может, ненавидела бы вас, “товарищи большевики”, и шла бы против вас, если бы не знала, что вы – наказание Божие. Это Господь наказал нашу страну, сделав вас нашею властью. Только Господь наш Иисус Христос, которого вы отрицаете и гоните. Вы думаете, что Его нет, а я знаю, что Он есть, единственный, истинный, всемогущий Владыка и Царь Вселенной, земли и неба Господь и Бог наш! Да будет благословенно Пресвятое имя Его. Только Он один – истинный Учитель наш, только Его учение – истинно, прекрасно и совершенно, как Божественная личность Его, только Он один достоин всяческого поклонения. Снимите портреты Ленина! Они занимают слишком высокое, совершенно неподобающее им место. А книги его – киньте в огонь. Обратитесь к пастырям церкви, чтобы они научили нас, как вместе с ними умолим Господа Бога помиловать нас, снять с нашей страны несчастья, беды и муки. Как сладостно учение Иисуса Христа! Ни одна душа не может не любить Его, отвращаться от Него. Оно все – любовь и истина. Только оно одно может дать счастье людям, сделать всех братьями! Я такая же, как и вы, простой человек, грешная, быть может много худшая вас. К Богу меня обратил Его великий праведник и угодник, и чудотворец – Его апостол – о. архимандрит Александр. Он – Божественный дар нам грешным и несчастным от Господа нашего, желанный Им для нашего спасения. Я была больна телом чахоткою, и только по молитвам исцелилась. Историю моей болезни и окончание ее можете проверить в Пермском туб. диспансере. Душевно я невыразимо страдала в разлуке, в тоске смертной и страхе по ребенку, которого вынуждена была отдать разведенному со мною мужу, чтобы сохранить ребенку отца. Батюшка возлюбленный исцелил мою душу от этой смертной муки, так что спокойно живу вдали от дорогой дочурки своей, с твердой верой, что так нужно Богу. Батюшку возлюбленного я люблю более, чем жизнь, более чем дитя свое! Ни одной грязною мыслью не касайтесь этого чувства, оно чисто и свято, как тот праведник, которого люблю я. Говорю вам это потому, что знаю то, что вы – братья мои, то, что и вы будете благословлять и благодарить Бога за него, как благодарю и благословляю я. Это все правда, как и то, что «нет ничего тайного, что стало бы явным» для Бога, а так же и для о. архимандрита нет тайны! Нет темных покровов скрывающих мысли – он видит он знает их все до единой у каждого человека. ...И каждого из нас он любит великою любовью, для него нет плохих людей. Идите к нему. Он научит нас, как исправить дела рук наших, научит умолить Господа скорее простить нас. Идите скорей, слишком много мучается людей, нельзя долее выносить эту муку. Да и нельзя не идти к нему, когда Господь так открыто явил себя в праведнике своем. Господь совершенен. Он всемогущ! Остается одно – просите Его милосердия и помощи через праведников Его, которым открыто все!

9 февраля 1931 года, Заимка, 2 линия, дом №7, кв. 4, Нина Дмитриевна Рогачева»¹.

6 декабря 1929 года верующие обратились в Тагильский окрисполком с заявлением церковно-приходского совета, поскольку закрытие Выйско-Никольской церкви Нижнего Тагила власти объясняли необходимостью обеспечить население новыми школами. По стандартной схеме горсовет ходатайствовал перед областным административным отделом об изъятии Выйско-Никольской церкви от

верующих и использованию для школы. Делалось это на основании «требований трудящегося населения». В обращении горсовета Нижнего Тагила имеется ссылка на 10451 подпись, но самих подписей в архиве исследователи не обнаружили. Решение о закрытии храма было опубликовано в городской газете. Но уже месяцем раньше Нижнетагильский окрисполком решил изъять подвальное помещение Выйско-Никольской церкви, где размещалась родовая усыпальница Демидовых, для хранения картофеля. В ответ верующие написали свое обращение:

«Не считаться с убеждениями верующих было бы принципиально неправильно и несправедливо, явилось бы насилием над совестью верующих и может быть понято как акт гонения на православную веру, не оправдываемый и советскими законами. Не безразличен для нас, граждан РСФСР, и вопрос о просвещении юношества, вопрос о школе. Мы, верующие, заявляем, что мы не враги культуры и научного просвещения, и мы сознаем нужду нашего города в школьных помещениях, но определенно полагаем, что эта нужда должна

Выйско-Никольская церковь, 1960-е годы

быть удовлетворена другим, более рациональным и справедливым путем. Мы – не «ничтожная кучка верующих», как хотят представить дело лица, заинтересованные в отобрании храма и заявляющие об этом в газете («Рабочий» от 29 октября 1929 г.), а весьма значительная и мощная религиозная община, насчитывающая в своих рядах несколько тысяч верующих... По закону для регистрации общины требовался минимум 50 человек, так это рекомендовалось нам и местной администрацией. Теперь же, когда вопрос о пользовании храмом становится в зависимость от количества верующих... запись верующих производилась исключительно в помещении церкви в богослужебные часы и, следовательно, гарантирует добровольность записавшихся. Наоборот, запись лиц под заявлениями об отобрании храма нашего производилась не только по учреждениям, но и по домам граждан, и, как можно видеть из помещенных заметок в газете «Рабочий», в некоторых случаях допускались методы устрашения репрессиями за отказ от подписи (исключение учащихся из техникума), привлекались дети, не достигшие совершеннолетия, и люди, не проживающие в нашем городе...

Храм для школы явно не соответствует по своей архитектуре и конструкции как внешней, так и внутренней. Приспособление его под школу потребует таких громадных средств, которые могут обеспечить постройку совершенно нового здания. Уродовать же здание, портить его – значит не дорожить материальными ценностями и финансами республики. Это очевидно для всякого, и не посвященного во все тонкости строительного искусства. Тем более, что такие печальные эксперименты явились причиной порчи ценных зданий. Как живые свидетели неразумия наглядно стоят перед взором граждан Тагила до сего дня. Мы говорим о храмах бывшего Скорбященского монастыря, из которых один так неудачно был использован под баню, а другой, прекраснейший по архитектуре и лучший в городе Тагиле, предназначавшийся при ликвидации под клуб, используется ныне как кладовая. Выйско-Никольский храм представляет собой чрезвычайную ценность как памятник архитектурного искусства, легкомысленно испортить его есть преступление, недопустимое в культурной стране...

Мы, верующие граждане СССР, не малолетние дети и не безвольные рабы, которые не способны сознательно и самостоятельно разбираться в вопросах и решать свои нужды без посторонней помощи... Храм нам необходим, и мы от него не отказываемся...»²

Материал подготовила Оксана Иванова. Благодарим за помощь в подготовке материала Пермское краевое отделение Международного общества «Мемориал» и лично Александра Михайловича Калиха.

¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8835. Л. 5–5 об. Подлинник.

² Рукопись.

² НТФ ГАСО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 116. Л. 541–543.

Без развития внебогослужебного общения прихожан невозможно решить проблему языка богослужения

Из встречи Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла со студентами вузов Смоленской области

Никита, студент Смоленского государственного университета: В одной из своих проповедей Вы сказали о том, что Церковь должна говорить на современном языке. А когда Церковь начнёт на нём говорить? К сожалению, богослужебным языком у нас является церковнославянский. Мне кажется, 90 % здесь присутствующих совершенно не понимают богослужебного языка. Как может народ понять проповедь, которую говорит священник, если Евангелие было прочитано на церковнославянском языке и народ совершенно его не понял? С другой стороны, в нашей Церкви существуют и другие точки зрения, согласно которым церковнославянский – это священный язык. Один священник даже сказал, что церковнославянский язык является подлинным языком Христа. Как нам в такой ситуации найти компромисс? Ведь церковнославянский язык является очень важным для нас, это очень красивый язык, и я очень люблю его, но, к сожалению, сейчас он уже становится непонятным. Спасибо.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: Вопрос Ваш как бы имеет несколько измерений. Одно чисто практическое, о котором Вы говорите. Действительно, люди, которые приходят с улицы, у которых отсутствует церковное воспитание, которые не посещали воскресную школу, лишены возможности понимать славянские тексты. Но в Церкви таких людей сегодня, к сожалению, меньшинство. А большинство – это те, для кого

славянский язык понятен. Это, знаете, как слова колыбельной песни, это всё с детства, с молодости. И если такому человеку вдруг предложить русский язык во время богослужения, то получится то же самое, что и «Паду ли я, дручком пропертый» в арии Ленского. Помните, из «Евгения Онегина»? Когда перевели на украинский язык, получилась такая вот вещь. Современный язык будет резать ухо и вызывать недовольство. А что такое недовольство? Человек не может из храма выйти недовольным. Он всегда должен выходить утешенным, успокоенным. У него должна состояться встреча с Богом, он должен почувствовать благодать Божию. И поэтому мы не можем вот так взять, тумблер повернуть и перевести на русский язык. Тем более что славянский язык является – думаю, студенты филологического факультета это знают, – калькой с греческого языка. А богослужение написано по-гречески, и даже глагольные формы, которые существуют на славянском, отсутствуют на русском. Кроме того, каноны, которые у нас читаются, выдержаны в стихотворной форме. Это, конечно, не рифма в обычном понимании этого слова, но это особый размер, его легко петь. И для того чтобы перевести это на русский язык, нужен поэт, нужен невероятно талантливый человек, который сделал бы то же самое, только по-русски. Может быть, этим мы станем заниматься в будущем?

Молодёжь, которая сегодня приходит, ставит, как и Вы, эти вопросы. Но вот по какому пути мы пошли, чтобы разрешить эту дилемму и вместе с тем не разрушить единство общины. Я всем говорю – вот и владыке Исидору сейчас говорю, и всем отцам, которые здесь находятся, и всем кандидатам в архиереи: в храмах должны быть два расписания. Расписание богослужений и расписание внебогослужебной деятельности. А что такое внебогослужебная деятельность? А это собрания. Допустим, в понедельник собрание со студенческой молодёжью, которая интересуется Православием, которая ничего не понимает по-славянски, но у которой есть интерес. По-разному можно проводить такие собрания. Например, сесть в кружок, и опытный священник им говорит:

«Сегодня читалось вот такое Евангелие. Прочитайте, пожалуйста, отрывочек из этого Евангелия, а потом пускай каждый скажет, как он это понимает». Читается по-русски, все высказались, а потом священник подводит итог. – «А теперь – вот у нас есть замечательные песни отца Романа, нашего барда, это такой церковный Окуджава. Давайте на гитаре поиграем, споем». – Спели. – «А теперь давайте своими словами помолимся – смотрите, что сейчас в Сирии творится. Давайте помолимся об этих людях».

Ни одного слова по-славянски, всё в современной стилистике, в современной культуре, то, что привычно и понятно любому человеку. Проходит так полгода, а, может, год. И человек, который посещает такого рода занятия, такого рода инициативы – а ведь можно, кроме того, организовывать какие-то походы, поездки – становится человеком церковным и в храме начинает всё понимать. И без этой литургической реформы, без этого слома, без этого противостояния поколений мы можем абсолютно спокойно решить эту задачу. Но для этого, владыка*, наши священники должны работать в этом плане. Это сейчас категорическое требование Патриарха ко всей Церкви. Некоторые приходы, конечно, этого не могут сделать, особенно в селе – маленький приход, один священник, – но в крупных приходах, особенно там, где есть молодёжь, обязательно должна быть внебогослужебная деятельность. И не только с молодёжью – почему бы и пожилых людей не приглашать чаю попить? Ведь есть одинокие люди, особенно старушки, – сердце надрывется, когда на них смотришь. Всю жизнь проработала в колхозе или ещё где-то, руки страшные, ничего человек в жизни не видел – и в конце жизни одиночество. Почему бы не собрать? Почему бы чаю не попить? Почему бы в лото с ними не поиграть? Почему бы не поручодельничать?

Церковь должна быть местом социальной активности и образовательных проектов. Вот так я вижу будущее Православия. А потом и с языком будем решать.

Источник: Патриархия.ру

* Эти слова обращены к присутствовавшему на встрече епископу Смоленскому и Вяземскому Исидору

Переводы Молитвослова

Говоря о литургических переводах, мы ни разу не касались в своем издании вопроса перевода молитвослова. Между тем в настоящее время изданий толковых молитвословов с параллельным переводом существует достаточно много, особенно в интернете.

Обсуждая вопрос качества этих переводов, прежде всего хотелось бы коснуться проблемы молитвенного правила мирян как таковой. О ней мы уже писали в нашей газете¹ и сейчас лишь кратко напомним, что изначально это молитвенное правило очень близко соотносилось с суточным богослужебным кругом. Так было не только в годы расцвета раннего монашества (в среде которого зарождался обычный келейного правила), но и гораздо позже, в том числе и на Руси после принятия христианства. В 1522 г. или несколькими годами позже Франциск Скорина подготовил к печати и издал «Малую подорожную книжицу», представлявшую собой Псалтирь с исследованием, в которую включил два своих акафиста с именными акростихами. Это издание послужило основой для значительного числа рукописных и печатных Акафистников XVI–XVII веков, которые состояли из нескольких акафистов с канонами, вечерних и утренних молитв, правила к причащению и молитв после причащения. В последующие столетия эта книга под названием «Молитвослов» получила широкое распространение и «стала основной “литургической” книгой русских людей, молитвы которой заменили древние уставные последования»². Таким образом, вечерние и утренние молитвы, составившие Молитвослов, изначально представляли собой приложение к повечерию и полунощнице, но со временем странным образом вытеснили их и получили самостоятельное существование: осталось «приложение без того, куда оно приложено»³. С конца XIX века молитвословы перепечатываются практически без изменений⁴.

В начале XX века появляются первые переводы Молитвослова. Наиболее известное издание – Нахимов Н. «Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями» (СПб., 1912). Автор этого издания – мирянин (чиновник), любитель, близко стоявший к трудам Синодальной комиссии по исправлению богослужебных книг. Он пользовался помощью архиеп. Антония (Храповицкого) и особенно архиеп. (впоследствии патриарха) Сергия, председателя Комиссии. В послесловии к переводу Нахимов, сторонник сохранения славянского языка, писал: «Есть очень большое число песнопений, смысл которых улавливается... лишь в общих чертах, в частности же толкуется каждым по-своему и иногда весьма превратно. “Жезаны и жемозаху”,

к сожалению, взяты из жизни, а не кощунственно измышлены. Мы сами были свидетелями, как одна очень благочестивая, церковно и светски образованная дама выражала скорбное недоумение, почему ее большое и слабое “телесе” именуется “лютым” и на него призывается “Божие озлобление”... Создается положение... поистине ужасное, и длится оно у нас, все усиливаясь, страшно сказать, уже десятый век. Высший образованный класс давно охладел к церковной поэзии, и не по безверию, в чем его огульно укоряют, а по непониманию ее; за ним в том же направлении, и очень быстро, идет народная масса»⁵. В основу своего сборника Нахимов положил изданный Синодом молитвослов (для мирян), но значительно «расширил его содержание, так что в книге было собрано более 900 молитв и церковных песнопений». Он переводил их на русский язык с греческого подлинника, однако не всегда удачно – иногда эти переводы звучат как подстрочник и не годятся для молитвы.

Тем не менее в течение почти всего XX века по понятным причинам этот опыт оставался практически единственным. И лишь в 1990-е годы стали появляться другие переводы. Один из них (опирающийся отчасти на перевод Нахимова) принадлежит руководителю образовательных и просветительских программ Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи Александру Боженову. Нужно сказать, что это не столько перевод, сколько русификация молитв. В интернет-издание вошли сокращенные утреннее и вечернее правила, последование и канон ко святому причащению, а также памятка ко святому причащению. «При составлении молитвослова, осознавая невозможность сохранения божественной красоты церковно-славянской поэзии, – пишет автор, – составитель руководился стремлением к наиболее точной передаче смысла молитв».

Другой перевод, принадлежащий иером. Амвросию (Тимроту), делает так же, как и перевод А. Боженова, упор на смысл (из-за чего часто пропадает поэтичность речи). Автор специально указывает: «Цель создания этого перевода – понимание молитв на церковнославянском языке».

В этом контексте невозможно не вспомнить перевод Правила ко святому причащению, сделанный переводческой группой под руководством священника Георгия Кочеткова и вошедший во второй том семитомника «Православное богослужение». По отзывам верующих, прозвучавших в ходе интернет-конференции, посвященной проблемам перевода, «это – не справочный подстрочник, какие встречаются иногда, а текст, используя который можно (и хочется) молиться».

Так или иначе, в настоящее время существует некоторое разнообразие изданий (чаще всего в сетевом исполнении), говорящее о том, что перевод молитвослова востребован. И хотя часто в таких изданиях встречаются многочисленные ошибки в русском языке, заимствования друг у друга и т. п., важно именно живое многообразие, некоторая добрая «соревновательность», которая позволит Церкви выбрать лучшее. Автор одного из таких опытов дал нам краткое интервью, которое мы публикуем ниже.

5 Нахимов Н. Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями. СПб., 1912. С. 338–339.

Отец Александр, Вы перевели на русский язык молитвослов, указав в предисловии, что опирались на дореволюционные и современные переводы. Какие именно переводы Вы использовали?

Священник Александр Д.: Из дореволюционных авторов я использовал молитвослов Николая Нахимова, а также переводы Московской духовной академии. Из современных авторов первым мне попался перевод епископа Александра (Милеанта). Молитвы на русском языке, собранные владыкой Александром, подсказали мне и план для будущего краткого молитвослова.

Некоторые молитвы я заимствовал именно у него. Многим мне помогли работы Александра Боженова и иеромонаха Амвросия (Тимрота).

Вы говорите, что идея перевода возникла в результате многолетней миссионерской работы и проблем, связанных с ней. Как сейчас, с появлением молитвослова на русском языке, изменилась ли ситуация к лучшему?

Чтобы говорить о существенных изменениях, нужно для начала этот молитвослов издать. Пока он существует только в электронном виде. Только совсем небольшое количество было

отпечатано самиздатовским способом. Но и сейчас, конечно, есть определенный положительный опыт. Так, этот перевод я использовал в больницах, в доме-интернате для престарелых, в душепастырстве среди заключенных. Когда я в больницах общался с невоцерковленными людьми (а таких у нас везде большинство) и предлагал им помолиться, принять святые таинства, молитва на понятном языке была хорошей духовной пищей. Во время библейских занятий с заключенными возникла идея совместной молитвы о нашей свободе от греха. Необходимо было выбрать текст, имеющий бого-

словскую глубину и затрагивающий даже самые чѣрствы́е сердца. Такой молитвой стало «Поклонение пречистым пяти язвам Христовым» святителя Димитрия Ростовского. Её русифицированный вариант читался вслух всеми собравшимися. И впечатление, и результат такой молитвы превзошли все ожидания. Конечно, есть теперь и что дать новообращѣнным. А некоторые прихожане стали использовать молитвослов как учебный, в дополнение к основному. Многие люди благодарят, и это не может не радовать.

Возникают ли у людей, о которых Вы говорили (молодёжь, бабушки, заключѣнные, воцерковляющиеся взрослые), вопросы по храмовому богослужению? Как Вы решаете проблемы с переводом в этой области, если они есть?

Вопросов, связанных с храмовым богослужением, будет всегда много. Первой заботой любого приходского пастыря будет то, чтобы наладить регулярность совершаемых служб, поднять их на должный уровень. Потом, конечно, могут помочь и церковная библиотека, и тематические беседы, фильмы. Но чтобы людям было легче не терять внимания на богослужении, возможно, стоит подумать и о некоторых особенностях. Это может быть и отказ от практики закрытия во время службы Царских врат. Так уже давно делают в большинстве Поместных православных церквей. И чтение Слова Божия на родном языке, лицом к народу. Проповедь должна разъяснять прочитанное и звучать в согласии с уставом после чтений, а не в конце службы вместе с приходскими объявлениями. Могут включаться и отдельные прошения на сугубой ектении, в зависимости от конкретных нужд прихожан.

Бывает, что оказываешься среди нецерковной публики и нужно отслужить, например, обряд погребения. Тут будет мало времени для толкования чина или беседы по его истории. Этим лучше занять обычных прихожан в церковной библиотеке. Но если прочесть ектении и отдельные молитвы на русском языке, то даже нецерковные люди смогут осознать в них свои чувства, выразить свою скорбь и надежду. Сам обряд будет учить и приближать их к Церкви. Подобных примеров более чем достаточно.

Но всё это, конечно, отдельные примеры и случаи. В идеале Церковь должна реализовать свой дар языков, данный ей в Пятидесятнице. В любом храме, особенно в городском, службы могут проводиться на двух-трѣх языках. Это в первую очередь касается воскресных Литургий.

Что Вы считаете на сегодняшний день самым важным в области православной миссии?

По моему глубокому убеждению, Православная Церковь имеет самый большой духовный потенциал. Но его только предстоит раскрыть. Мы сегодня с лёгкостью украшаем храмы иконами новомучеников, но мы не обращаемся к их наследию. Я сейчас говорю о Всероссийском Поместном соборе 1917 года. Его мало изучают в духовных семинариях, о нём почти ничего не знают наши прихожане. А именно им предначертан план будущих церковных преобразований и путей развития нашего богослужения. Добрым примером жизни в духе этого Собора можно назвать миссию в Англии митрополита Сурожского Антония. Организация православной общины, многоязычные богослужения – всё это показывает богатство и силу данного Собора.

Отдельные миссионерские приходы или проекты – это очень хорошо. Но всё это останется только каплей в море, если мы не вернёмся к наследию наших мучеников и исповедников и не продолжим их труд. Это и является, на мой взгляд, главным на сегодняшний день, тем, к чему наша жизнь давно созрела.

Иллюзия понимания

Зачем переводить с церковнославянского языка на русский?! Ведь почти всё понятно! Походите с полгодика на службу, гляньте в словарь и всё будете понимать! Те, кто хочет введения русского языка в богослужение, – это люди, отягчѣнные греховной ленью, модернисты, которые просто не хотят сделать усилия в попытке понять церковнославянский язык! Такие аргументы самые распространѣнные у ярых противников перевода службы на русский. Я сам долгое время придерживался подобного мнения. Я искренне считал, что 80 % того, что читается и поѣтся в храме, абсолютно понятно. Поэтому я убеждѣн, что люди, так считающие, не обманывают и не лукавят, а самообманываются.

Моѣ мнение стало меняться после того, как я попал на клирос и стал серьёзно интересоваться богослужебным чином и богослужебными текстами. Стоя на клиросе, пытался, прочитав текст, мысленно перевести его в голове на русский язык, но в большинстве случаев ничего не получалось! Спрашивал более опытных клирошан, регента, но они тоже не могли мне сказать, как переводится то или иное слово! Помню момент, когда регент отчитывала чтеца за то, что он вместо «Аще» читал «ашЕ». Когда я спросил, как переводится «аще», регент впала в небольшое замешательство и была вынуждена сказать, что не знает. Я разговаривал не с одним регентом, НИКТО мне не мог вразумительно сказать перевод «Херувимской». То же самое было с «Взбранной Воеводе». Кто-то начинал обвинять меня в рационализме, что верующему нужно духом чувствовать смысл, а ум – это вместителище гордыни. И все мои попытки понять тексты – это проявление моей гордости и бездуховности.

На тот момент я работал в православной гимназии. В гимназии было правило – читать в начале урока «Царю Небесный», а в конце – «Достойно есть». Как-то в классах с 7-го по 9-й я решил провести эксперимент. Я им дал задание написать перевод данных молитв. Многие из ребят учились в этой гимназии уже много лет, и на протяжении всего этого времени они каждый день наизусть твердили данные молитвы. Но оказалось, что НИКТО их не может перевести! С кем-то этот опрос я провѣл устно. Обычно это выглядело так.

- Ваня, ты знаешь, о чём молитва «Царю Небесный»?
- Да, конечно!
- О чём?
- Ну, ведь понятно о чём... (начинается колебание, смущение) ...ну, мы просим Бога, чтобы Он нам помогал... вот...
- Так про это много какие молитвы говорят, а конкретно эта о чём?
- Это... ну... ну да ведь... я не знаю...

После того как результат письменного тестирования показал почти нулевой результат, я обратился к учителям гимназии. Спрашивал тех, кто уже не первый год был в церкви. Результат оказался тот же! Если фразы «Царю Небесный, Утешителю» переводили, то на «Душе истины, Сокровище благих» все впадали в ступор или давали какие-то варианты, мало связанные с настоящим значением. Про «Душе истины» говорили, что это «истина в душе», про «Сокровище благих» – что это какое-то духовное сокровище у благих людей и пр. До «Достойно есть» мы, как правило, не доходили...

Оказалось, что взрослые церковные люди, работающие в православной гимназии, некоторые из них обучающиеся в духовных учебных заведениях, не знают значения самых распространѣнных молитв! А что можно сказать о стихирах, которые поются раз в год в храме, особенно если в храме плохая акустика?! И самое печальное, что большинство думают, что им всё понятно! Но можно провести ещё один простой эксперимент: спросите после службы человека про общее содержание стихир и тропарей, паремий. Я скажу более, спросите кого-то с клироса или из алтаря. Скорее

всего, вразумительного ответа вы не получите.

Запомнилась одна служба. Перед Причастием священник попросил чтеца прочитать из сборника проповедей проповедь на евангельское чтение. Чтец вышел на амвон и стал читать... проповедь на другой отрывок! Священнику пришлось выйти из алтаря и поправить чтеца. Но если Евангелие на церковнославянском языке, как правило, всё же более или менее понятно, особенно если читают какой-то наиболее известный отрывок, то с Апостолом всё очень и очень плохо! Как сказал один священник: «Чтение Апостола – это минута благоговейного непонимания».

Конечно, есть такая позиция, что понимать ничего и не надо. Один мой знакомый сказал так: «Какая разница, что ты понимаешь или не понимаешь! Главное, что бес-то всё понимает и попадаетя огнём Божественных словес!» Но мы служим всё-таки не для беса, а для Бога и людей. Конечно, нет задачи просто рационального понимания. Конечно, здесь должно участвовать и сердце. Но участие сердца не исключает и ум. Бог создал человека как целостное существо, в котором есть и дух и смысл. Умаяя что-то одно, мы покушаемся на целостность человека, на целостность восприятия им мира.

Проблема языка богослужения подымалась ещё до революции, во время подготовки к Поместному собору. Многие архиереи, профессора православных академий поднимали вопрос языка. Были разные мнения: кто-то был за введение русского, кто-то категорически против. Но всех объединяло одно: в современном состоянии язык богослужения непонятен не только мирянам, но очень часто и специалистам по древним языкам! Поэтому очень странно слышать от мирян, которые нигде не изучали древние языки, что им всё понятно на богослужении. Когда, например, свт. Феофан Затворник, учёнейший человек своего времени, знаток древних языков, кто уж точно получше нашего знал церковнославянский язык, писал: «Наши богослужбные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и всё нравовучение христианское и все утешения и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учебных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений непонятны совсем. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не даёт им послужить тем целям, для коих они назначены и имеютя». Как известно, когда человек говорит, что ему всё понятно, то это значит одно из двух: или человеку действительно всё понятно, или не понятно ничего.

Нет задачи полностью убрать церковнославянский язык из богослужения. Безусловно, это достояние нашей церкви, нашей истории. Задача – помочь людям полноценно воцерковиться, войти в опыт церковной молитвы. Важно, чтобы люди в храме были не частью декора, не статистами, а активными участниками происходящего. И очень странно слышать рекомендации творить на службе Иисусову молитву или читать псалом 50. Это можно и нужно делать дома келейно или в каком-то другом месте, где нет возможности собраться для церковной молитвы, а в храме должна быть общая молитва, «едиными устами и единым сердцем».

Какие можно сделать выводы из вышесказанного. Во-первых, 99 % постоянных прихожан не знают церковнославянский язык не потому, что они ленивые или глупые, а просто потому, что это древнее болгаро-македонское наречие с греческим синтаксисом и грамматикой! Поэтому, чтобы понимать церковнославянский язык, нужно знать древнеболгарский и древнегреческий. Естественно, такими знаниями не обладают и 99 % священнослужителей. Хотя в целом они знают язык получше прихожанина, но не на том уровне, чтобы можно было свободно переводить различные славянские тексты. И это тоже не потому, что они ленивые или глупые, а потому, что семинарский курс по церковнославянскому языку, как правило, охватывает только азы языка. В современной семинарии нет ни времени, ни возможности посвятить языку необходимое время. Повторюсь, для нормального освоения языка нужно отдельно 5 лет учиться на языковом факультете.

Что же делать? Ревнителям церковнославянского языка, которые не представляют себе службу на ином языке, нужно перестать тешить себя мыслью, что им всё понятно, и начать серьёзно изучать язык. Лучше всего поступить в соответствующие вузы или очень серьёзно заниматься этим самостоятельно, понимая, что изучение церковнославянского языка, несмотря на его кажущееся сходство с русским, будет более сложным делом, чем изучение английского.

При этом важно понимать, что любовь к церковнославянскому языку – это сугубо личное дело и нельзя его навязывать в качестве нормы другим. Молиться можно на любом языке. В недавней своей статье митрополит Иларион (Алфеев) сказал, что нет никакого запрета молиться на русском языке. Поэтому если кто-то захочет молиться не на древнем наречии, а на современном языке, того человека не надо клеймить модернистом, грешником и пр. Более того, такой подход более традиционен для Церкви, чем молитва

на архаическом языке. Сам Господь, апостолы, святые отцы молились не на архаических языках, а на языках, современных их эпохе. Так что в этом смысле более модернистским является желание молиться на церковнославянском языке.

Самым оптимальным вариантом, на мой взгляд, было бы воспользоваться практикой других Поместных православных церквей, например, Болгарской, где параллельно существуют два языка, как древний, так и современный. Нельзя никому навязывать никакой язык в качестве единственно возможного, ни церковнославянский, ни русский. Пусть это будет личным выбором каждого. Человек сможет выбрать приход, общину верующих в зависимости от его предпочтений. Но в любом случае церковнославянский язык в том виде, в каком он существует сейчас, оставлен быть не может. Необходима его правка. Свт. Феофан, говоря о непонятности церковнославянского языка, не ратовал за перевод на русский. Он считал, что язык богослужения должен оставаться славянским, но исправленным славянским, доступным для понимания.

В целом видится следующее решение данного вопроса: разрешить служить на обоих языках, начать исправлять церковнославянский язык. Вопрос с языком богослужения – это один из важнейших вопросов, стоящих сейчас перед церковью. Конечно, вопрос очень сложный, требующий осторожного и взвешенного подхода. Но, тем не менее, не решать его сейчас просто нельзя.

Александр Королёв

Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. Великий Новгород. Фрагмент памятника к 1000-летию России